

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Лекарство
для покойника

Фридрих Евсеевич Незнанский

Лекарство для покойника

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137728

Ф.Незнанский Лекарство для покойника: АСТ; Москва; 1999

ISBN 5-7390-0943-X

Аннотация

Спикер Государственной Думы привлекает внимание правоохранительных органов к убийству видного российского предпринимателя, «короля» фармацевтического бизнеса Леонида Богачева, произошедшему в Крыму. В оперативном расследовании по сугубо личным причинам заинтересован и Генеральный прокурор. На побережье Черного моря отправляется «важняк» Александр Турецкий, который выдвигает сразу несколько «экономических» версий происшедшего, но в том числе не отказывается и от варианта «ограбление». Дело в том, что семья покойного Богачева владела уникальным ювелирным украшением.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	15
Следователь Генпрокуратуры Турецкий А. Б. Москва. 22 августа, вечер	15
Заместитель Генерального прокурора Меркулов К. Д. Москва. 23 августа, утро	24
«Важняк» Турецкий. Москва. 23 августа	28
«Важняк» Турецкий. Крым, Симферополь. 23 августа	36
Оперуполномоченный МУРа Владимир Софрин. Москва. 24 августа, 14.10	64
Магнитофонная звукозапись допроса в качестве свидетеля начальника охраны семьи Богачевых. Крым, Гурзуф. 24 августа, 13.00 — 13.35	73
Оперуполномоченный МУРа Владимир Софрин. Москва. 24 августа, 20.10	77
Магнитофонная звукозапись допроса в качестве свидетеля охранника семьи Богачевых гр-на Кныша. Крым, Гурзуф. 24 августа, 14.10 — 14.39	79
Оперуполномоченный Софрин. Москва. 24 августа, 14.10	83

Магнитофонная звукозапись допроса охранника семьи Богачевых гр-на Раструбы. Гурзуф. 24 августа, 15.05 — 15.55	89
Начальник МУРа Грязнов. Москва. 24 августа, 18.50	93
Виктор Гукк. Протокол допроса свидетеля гр-на Гукка В. Крым, Гурзуф. 24 августа, 16.30 — 17.15	95
Турецкий. Крым, Ялта. 24 августа, 22.00	97
Турецкий. Крым, Ялта. 25 августа, 8.15	103
Часть вторая	107
Старший оперуполномоченный по особо важным делам угрозыска МВД Виктор Солонин. Крым, Симферополь. 26 августа, 12.50	107
Турецкий. Крым, Ялта. 26 августа, 11.50	110
Старший оперуполномоченный Виктор Солонин. Крым, Симферополь. 26 августа, 13.10	117
Турецкий. Крым, Гурзуф. 26 августа, 12.40	122
Виктор Солонин. Крым, Ялта. 26 августа, 17.05	132
Турецкий. Крым, Мисхор. 27 августа, 11.45	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Фридрих Незнанский

Лекарство для покойника

Ты коварства бегущих небес опасайся.

Нет друзей у тебя, а с врагами не знайся.

Не надейся на завтра, сегодня живи.

Стать собою самим хоть на миг попытайся.

Омар Хайям

Пролог

Когда в комнате стены выкрашены в белый цвет, жить в ней легко и приятно. Но как в ней спать?

Он лежал и думал об этом.

В двух метрах от него стояли два круглых стула без спинок, он пробовал было называть их табуретками, но жена — его личный дизайнер — настаивала, что это именно стулья. Стулья, так стулья.

В маленьком промежутке между двух окон одна под другой висели две графические работы Шемякина, купленные в Швейцарии. На полу под ними — округлый глиняный кувшин с какими-то якобы вечнозелеными ветками. Ну да, конечно, когда ветки круглый год не меняются, потому что абсолютно сухие, можно и сказать, что они вечнозеленые. И вот поди ж ты, не забудь менять в них воду.

Журнальный столик из красного дерева на трех ногах. На нем — причудливой формы светильник. Настолько причудливой, что никогда нельзя было толком понять, включен он или нет. Впрочем, «дизайнер» утверждал, что так и задумано, поскольку его функция — не светить, а создавать интерьер.

Во встроенном стенном шкафу — два широких квадратных отделения — в одном стоял музыкальный центр «Пионер», другое — было заполнено морскими сувенирами. Книжные полки, большей частью, забиты компакт-дисками и видеокассетами, а собственно книг было не больше десятка (сплошь медицинские и фармакологические словари), да им тут и нечего было делать — на втором этаже ведь есть кое-какая библиотека (семь с половиной тысяч книг), только вот кто и когда ею последний раз пользовался... Кроме младшего немца, разумеется, тот без конца листает иностранные словари, ну и Юлька при нем, конечно, как положено...

Он вдруг заметил, что простыня, сушившаяся на веревке, вдруг набухла и образовала очертания фигуры человека. Человек зашевелился, и простыня угрожающе приблизилась, и сомнений в этом не было — жить ему теперь оставалось мгновения. Рука с ножом коротко замахнулась и...

Тут он откровенно засмеялся во сне и от этого проснулся. Сомнений не было — это сцена из «Карлсона, который живет на крыше». Хотя рука с ножом, пожалуй, все-таки перебор. Такого там не было.

Да, он обладал этой счастливой особенностью: ему часто снились мультфильмы. Хотя сам он в шутку утверждал, что никакого счастья тут нет, а есть классическая ситуация для преуспевающего бизнесмена: много вложенного труда и закономерный результат — просто он пересмотрел столько мультфильмов, что не сниться они ему уже просто не могли.

В свободное время, которого всегда была самая малость, он становился яростным анимационным фанатом. И в этом являлся лучшим другом своей дочери. Жена, которая была моложе его на добрый десяток лет, искренне завидовала: она никогда не могла так, как они, «упереться в экран и в сотый раз наблюдать шуточки одних и тех же нарисованных дебилов, дрыгая при этом ногами от восторга». Конец цитаты.

Хотя сейчас это был даже не сон, а какая-то странная полудрема. Улыбнувшись, он вспомнил и «Бриллиантовую руку», там Никулину тоже мерещились какие-то фантастические грабители.

Он лежал на любимой, а потому уже порядочно продавленной кушетке и смотрел в потолок, а видел себя. Потому что на потолке было зеркало. Просто еще в прошлом году в этой комнате они каждую ночь занимались любовью. Тогда здесь была супружеская спальня, и это зеркало имело немалый смысл.

Позже жене пришла в голову идея очередной грандиозной перепланировки, и несколько месяцев в доме жили только строительные рабочие из Югославии. (Так что теперь от

старого варианта в этой комнате осталось только зеркало на потолке да сейф, которым он пользовался редко.) А югославы все делали чрезвычайно качественно, но особенно не торопились. И немудрено: для них эта работа была как манна небесная, ведь у них на родине тогда как раз шла война...

Он невольно усмехнулся: «шла война» — это сильно сказано. Война — это когда две (а то и больше) стороны воюют друг с другом. А из Югославии делали котлету в сугубо одностороннем порядке. Слепили, поджарили и съели... И ведь, кажется, не так давно это было, а сколько воды утекло. Сам он служил в армии довольно давно и к военным играм взрослых мужчин был совершенно равнодушен, просто эта далекая бойня задела дела и планы многих посторонних людей, и его в том числе. А ведь еще год назад у него как раз намечался перспективный проект на Балканах, но насколько именно он был перспективным и насколько реальным, теперь уже не узнать никогда, во всяком случае, нескоро...

Он повернулся на правый бок, на левом не спал уже давно, сердце нет-нет да и прихватывало. Нет, скорее не прихватывало, а потягивало. Ха! Он вспомнил анекдот, который Митька Трофимов рассказал днем. Чувствует, прохвост, настроение шефа, ничего не скажешь.

«Идет солдат по полю после кровавого сражения. Везде трупы, трупы... И только один смертельно раненный шевелится и стонет:

— Помоги, браток, пристрели меня.

Солдат, не долго думая, дает очередь в раненого и медленно идет дальше, а сзади голос:

— Спасибо, браток...»

Вот это точно, можно помереть быстро и совершенно здоровым, не зная горечи поражений и растянутой во времени боли. А можно, будучи чиненным-перечиненным, протянуть семь-восемь десятков лет и сделать кучу важных дел. Что лучше из двух вариантов — риторический вопрос.

Доктора говорят, что функциональных изменений в сердце нет, а боли — сугубо невротического свойства, постстрессовый синдром и все такое. В общем, ничего серьезного, все как у всех: много работы, мало отдыха, плохой сон, вот как сейчас... Сейчас, впрочем, никакого сна. Он взглянул на циферблат «Омеги», которую по укоренившейся привычке не снимал практически никогда, ни ночью, ни под душем. Даже жена привыкла, хотя в определенные моменты часы ей и мешали.

«Омега» показывала 3.19.

Тупиковое время. Если уж он сейчас не спит, значит, это надолго, как минимум до пяти утра будет ворочаться. А потом заснет как дурак на каких-то сорок — пятьдесят минут и встанет совершенно разбитый.

Выпить, что ли, это новое американское снотворное в самом деле?

Да нет, это просто смешно, ну какое снотворное?! Разве может ОН пить АМЕРИКАНСКОЕ снотворное? Журнали-

сты пронюхают — засмеют... Вот ведь бред, как это они пронюхают?

Господи, о чем он вообще думает, кто заставляет его подниматься завтра ни свет ни заря?! Он у себя дома, он богатый и в каком-то смысле свободный человек, море под боком, замечательное теплое море, которое он никогда не променяет ни на какие далекие экзотические Гавайи! Жизнь прекрасна, черт возьми! В одной из комнат спит молодая красивая женщина, мать его дочери, дороже которой он для себя еще ничего не придумал. И нечего тут ворочаться, а раз уж не спится, надо проводить время с толком и с удовольствием.

Ободренный этими мыслями, он поднялся, натянул узенькие плавки и вылез прямо в окно, выходящее на просторную веранду. Теперь он был на третьем этаже своей виллы.

Дом располагался на скалистом взморье. Море — совсем рядом, но гораздо ниже, до него надо было еще добраться.

Луна в эту ночь была почти полная, а след ее на воде удивительно широким. Возможно, где-то вдалеке море было и не совсем спокойным, но в его бухте это оставалось незаметно, и при полном штиле медленная игра лунных бликов наблюдалась на легких всплесках удивительно просто, словно при замедленном воспроизведении киноплёнки.

Он спустился с балкона третьего этажа на веранду первого по сквозной лестнице и, прихватив с веревки давно высохшее махровое полотенце, встал босыми ногами на землю. Вернее, на гальку, которой тут было в изобилии. На первом

этаже в двух окнах горел свет, там бодрствовали охранники, наверное, резались в свой традиционный покер. Как-то раз старый немец научил Трофимова играть в карибский вариант игры американских ковбоев. Через пару недель покером заразилась вся охрана.

Секунду подумав, он отказался от идеи искупаться в бассейне — так можно было разбудить домашних — и пошел к морю. Впереди — крутой спуск, и попасть к воде можно было только по узенькой лесенке длиной метров семь, не больше, которую, когда море особенно волновалось, поднимали наверх. Но каждую ночь лесенку поднимали в любом случае. Впрочем, волнение моря редко посещало этот маленький залив. Тут был свой особый микроклимат.

Он усмехнулся, вспомнив, как напирал на это особое обстоятельство тот хитрый хохол, что продавал ему этот участок. Впрочем, особо хохол ничего не выторговал, хотя сейчас, по прошествии нескольких лет, когда они тут обжились и проводили чуть ли не пять месяцев в году, он готов был признать, что пожадничал, да только где искать теперь того хохла, чтобы компенсировать ему возможный моральный ущерб. Впрочем, что там особо компенсировать. Хохол продавал развалившуюся одноэтажную дачку с половиной гектара земли. А уж климат и ландшафт — это досталось не от него...

Он опустил лесенку.

Через минуту-другую он был уже на берегу, и лениво на-

ползавшие волны лизали его ноги. Он отбросил полотенце и вошел в море. Вобрал воздух и нырнул. Сильное тело целеустремленно понеслось вперед, рассекая толщу воды. Вода, как всегда, была абсолютно чистая, и в лунном свете было видно дно, камни, водоросли, какие-то смутные тени, очевидно создаваемые медузами и мелкой рыбешкой, но иногда это все вдруг преломлялось неслыханными красками.

Он плыл и думал, что море ночью очень похоже на сон... или на анимацию. Так чего же беспокоиться о какой-то глупой бессоннице?

Наконец он вынырнул, чуть отдышался и поплыл размеренным брассом. Трех десятков движений хватило, чтобы выплыть из бухты, горизонт сразу же расширился, и он увидел множество далеких огней — корабли, катера, подводные лодки, прогулочные яхты стояли на рейде. Одни мерцали, другие горели постоянно, возможно, они были равно удалены от берега, а может быть, были и довольно далеко друг от друга, возможно, жизнь на них сейчас кипела, а возможно, замерла и все спали, или кто-нибудь вот так же мучился бессонницей? Или, не сумев реализовать всю энергию жарким днем, также охлаждал ее ночным Черным морем? Словом, некоторое время в голове у него перемещались такие бесполезные и праздные мысли, посещающие делового человека исключительно на отдыхе.

Он повернул назад и через несколько минут уже стоял на берегу, растирая себя махровым полотенцем. И тут только

вспомнил, что не обратил внимание на самое главное! Ведь сейчас было то редкое время, когда на исходе лета ночное море светится. Цветут какие-то водоросли, и только ночью в легких всплесках воды появляется удивительное свечение, нечто вроде тысяч, миллионов морских светлячков. Это красивейшее зрелище наблюдалось и с берега, но тут гораздо эффективнее было быть его участником, даже создателем, когда от взмахов твоей руки новорожденные волны разбиваются друг о друга и зажигаются радостным светом...

А ведь в этом было и что-то от бизнеса. Словно водоросли долго готовились к своему цветению и подготавливали почву, то есть море (ха, довольно парадоксальная игра слов), вокруг себя, и уж когда игра сделана, достаточно малейшего толчка, чтобы все загорелось, чтобы процесс пришел в движение, и он словно уже не зависит от того, кто был его родоначальником, но это только внешне, это всего лишь иллюзия...

Он с сожалением смотрел на море, но на повторное купание все же не решился. Все-таки было довольно прохладно, кажется, шло какое-то холодное течение. Ну да ладно, ведь всего-навсего 19 августа, еще и лето-то не кончилось. Будет время повторить.

Он с берега поднялся по лесенке наверх, потом на веранду первого этажа. По дороге заглянул в окно: охранники по-прежнему резались в карты. У Дмитрия была уже солидная гора фишек, у обоих Игорей — совсем по чуть-чуть. Ничего,

до утра есть еще время, отыграются.

Через минуту он был уже в своей комнате. Только там обнаружил, что забыл повесить полотенце на веранде. Ну да ладно, бросил на подоконник. Снял плавки. Растянулся на постели...

Как хорошо. Небольшая усталость, оккупировавшая мышцы, уже отходила, освобождая место для глубокого сна. Сна без снов, в смысле без сновидений.

Это состояние было каким-то удивительным. Он почти осязал свое засыпание, как бы видел со стороны крепкого сорокатрехлетнего мужчину с сильными чертами лица, расслабляющимися только ночью. Вот сейчас он заснет. Вот еще совсем немного, счет ведь идет уже на секунды...

Пожалуй, в комнате немного тяжело дышать. Наверное, испарение мокрого полотенца уплотняет воздух. Надо было все-таки его повесить. А теперь оно словно приближается и приближается к нему. Словно заслоняет уже весь воздух. Словно, кроме него, ничего не существует. Словно полотенце уже и не тонкое полотенце, а что-то вроде подушки. Но разве подушки сами собой держатся в воздухе...

Додумать эту мысль, пришедшую во сне, он не успел. Раздался негромкий хлопок.

И теперь он заснул уже навсегда.

Часть первая

Следователь Генпрокуратуры Турецкий А. Б. Москва.

22 августа, вечер

Турецкий где-то потерял бумажник. Это был старый любимый бумажник, потертый до такой степени, что его содержимое буквально просвечивало сквозь кожу.

Так вот, Турецкий его потерял. И по этому поводу у него было плохое настроение. До поры до времени.

Ледяная минералочка медленно нагревалась, то есть переставала быть ледяной. Багровые помидорчики натурально вспотели изнутри, ожидая своей участи, на них даже выступили маленькие капельки. Зелень, разрезанный лаваш, чуть подтаявший мясной балычок — остатки пиршества, а вернее — его вторая серия, извлеченная из холодильника, призывно глядела на четверых мужчин. Двое из них были уже принявшими и разомлевшими, один — трезвым, но тоже расслабленным и последний — опоздавшим и потому особенно четким и категоричным.

— За ирригацию Узбекистана пить не будем! — категорически предупредил только что прибывший Грязнов, раз-

ворачивая сверток.

— У-уу! — было ответом на это его движение.

В свертке лежала бутылка армянского коньяка «Ахтамар» (настоящего). Восхищенно мычали по этому поводу Турецкий и Солонин. И даже давно уже не пьющий Меркулов, руководствуясь смешанными чувствами солидарности и ностальгии, присоединился к этим звукам.

За ирригацию пить, впрочем, и так не было нужды: справляли день рождения Турецкого. Что называется, в тесном кругу, в неформальной профессиональной обстановке, в его собственном рабочем кабинете. Реальное торжество было намечено на грядущую субботу, дома, на Фрунзенской набережной, к чему Ирина Генриховна, несмотря на занятость на работе — в музыкальной школе, неустойчиво готовилась. Но сам Турецкий, давно и прочно питающий стойкую неприязнь к официальным мероприятиям с обязательными родственниками, знакомыми, полужнакомыми и совершенно неизвестными гостями, не преминул устроить, как выразился все тот же Слава Грязнов, «легкую рекогносцировку».

И вот в четверг в половине десятого вечера четверо друзей и коллег сидели в небольшой комнатухе старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации. К моменту прибытия Грязнова была начата и с негодованием отставлена в сторону бутылка фальшивой «Метаксы» (уничтожено 0,25 из 0,7 л) и полностью оприходована — вполне натуральной «смирнофской» ря-

бины на коньяке (0,5 л). Поскольку Меркулов еще вообще не пил, семьсот пятьдесят граммов спиртного пришлось на Турецкого с Солониным, из которых последний, как младший по возрасту и званию, тактично отпил не больше одной трети. В результате чего только-только начинал чувствовать легкое тепло в жилах и в присутствии Меркулова не мог позволить себе полностью расслабиться. Зато Турецкий сиял как медный таз и готов был любить всех на свете.

Так что по вполне понятным причинам грязновский сюрприз, он же — подарок лучшему другу был встречен нескрываемым одобрением. Остальные «гости» отметились следующими презентами. Меркулов клятвенно обещал в ближайший месяц-другой не поручать Турецкому дел за пределами Московской области. Турецкий пришел в восторг и сказал, что лучшего подарка у него в жизни не бывало. Но он еще не видел следующего.

Витя Солонин преподнес другу и наставнику новенький кейс, удивительно легкий, тонкий и вместительный. Кейс был снабжен двумя кодовыми замками, к каждому из которых полагался отдельный ключ. В свете недавней утери бумажника это была изрядная компенсация.

Совместному осмотру, сопровождавшемуся исключительно одобрительными восклицаниями, подвел итог Грязнов, категорически заявивший, что лично он, Вячеслав Иванович, жутко лажанулся, притащив бутылку пусть и отличного, но всего-навсего коньяку, надо было сговориться с

Солониным и подарить Турецкому первоклассные наручники, поскольку такой изящный чемоданчик надо непременно пристегивать к руке, как это заведено в американских боевиках...

К этому моменту уже дважды звонила Ирина Генриховна, нервно интересуясь причиной, по которой ее дражайший супруг застрял на работе, хотя еще утром совершенно категорически обещал уж именно сегодня приехать пораньше. Но неизменно натываясь на интеллигентный и совершенно трезвый голос заместителя Генерального прокурора по следствию Константина Дмитриевича Меркулова, который информировал ее о затянувшемся производственном совещании, и несколько этим (трезвым голосом) успокоенная, опускала трубку.

Слава богу, летняя жара потихоньку спадала и не грозила больше стандартными московскими катаклизмами — то тридцатидневными засухами, то шквальными ливнями и градом с куриное яйцо, а то и просто концом света. Так что кондиционер работал вполне формально, создавал, так сказать, шумовой эффект, а трое мужчин вполне комфортно чувствовали себя в рубашках с ослабленными галстуками. Четвертым был Турецкий. Галстуков он не носил в принципе, но это не значит, что у него их не было. В иные дни рождения их приходилось принимать от гостей пачками да еще и спасибо говорить.

Наконец «Ахтамар» был вскрыт и разлит по емкостям,

которые для такого случая Турецкий даже предварительно ополоснул, чтобы драгоценная жидкость ни в коем случае не смешивалась с запахом предыдущей влаги. Меркулов поднял свой стакан, на дне которого плескались символические капли.

— Александр! Ты относишься к тем редким людям, которые...

Зазвонил телефон. Турецкий с досадой снял трубку:

— Да.

— Авиакассы? Я хочу забронировать два билета на...

— Это не авиакассы!

— Да? Значит, я все-таки попала в диспетчерскую. А вы не могли бы меня переключить?

— Вы ошиблись.

Меркулов начал сначала:

— Александр! Ты относишься к тем исключительно редким людям...

Телефон снова ожил. Турецкий в сердцах схватил трубку и зашипел:

— Милочка! Ну какая это вам на хрен диспетчерская?!

— Саша, — пораженно пролепетала на другом конце провода Ирина Генриховна. — Что случилось?!

— Ирка, — обомлел Турецкий, — я это, ну в общем... не телефонный разговор. — И он оперативно дал отбой, перевел дух и кивнул Меркулову на его стакан. Заместитель главного прокурора страны снова поднялся и терпеливо начал:

— Саша. Ты относишься к тем...

Телефон словно ждал этих слов.

— Почему бы тебе его просто не отключить? — риторически спросил Грязнов.

На секунду в комнате воцарилось молчание. Такой простой вариант почему-то в голову не приходил.

— Я всегда так поступаю, — продолжал Грязнов травить душу.

— И это говорит оперативный работник, — укоризненно пробормотал Солонин, сосредоточенно рассматривая содержимое своего стакана.

— Это говорит, — механически поправил Турецкий, — начальник уголовного розыска. Московского, между прочим.

Телефон между тем все еще звонил. Турецкий собрал волю в кулак и выдернул шнур из розетки. Все с облегчением вздохнули. Даже Меркулов. Он был готов продолжить свой топот. И наверняка бы сделал это, если бы в дверь не постучали.

Все четверо с досадой поставили свои стаканы на стол.

— Предлагаю не открывать, — все в том же деструктивном духе высказался Грязнов.

Солонин хмыкнул.

Турецкий вопросительно уставился на своего шефа. Тот отрицательно покачал головой. Дескать, это уже слишком.

Турецкий вздохнул и побрел к двери. Кого еще нелегкая

принесла? Он открыл дверь и обомлел. На пороге стоял... Генеральный прокурор Демидов. У Демидова была длинная физиономия и неподвижные глаза. Генеральным он стал совсем недавно, и от этих неподвижных глаз все еще традиционно ждали многого.

Реакция на неожиданного гостя была следующей. Солонин инстинктивно затянул галстук, Меркулов незаметно убрал стакан в стол, а Грязнов демонстративно допил свой. Турецкий почему-то не знал, куда девать руки, и в конце концов засунул их в карманы.

При этом все они одновременно подумали о миражах, галлюцинациях, ночных кошмарах и прочих аномальных явлениях.

— Ага! — сказал Демидов, обводя прокурорским взором всю компанию.

Не меньше минуты все молчали. Наконец опять заговорил Демидов.

— Ага! — снова сказал он. И сел на стул, с которого встал Турецкий.

Турецкий немедленно почувствовал себя обманутым, к чему в отношениях с начальством было не привыкать, и приготовился ждать неприятностей. Не иначе ему сейчас поручат какое-нибудь висячее дело вроде убийства знаменитого журналиста пятилетней давности. Потом он сообразил, сколько выпил сегодня, и понял, что любая мысль, которая придет ему сейчас, на поверку окажется не слишком досто-

верной. Так что лучше молчать в тряпочку и предоставить все Меркулову. Ему привычнее общаться с крупными чиновниками. Или хулиганистому Грязнову. Или честолубивому и по-европейски вышколенному Солонину...

— По какому поводу? — наконец сухо осведомился Демидов, доставая из кармана пачку «Парламента».

— По поводу окончания рабочего дня, — буркнул Грязнов.

— У Александра Борисовича, — разъяснил Меркулов, — сегодня в некотором роде юбилей...

Турецкий напрягся: только поздравлений Генерального ему не хватало. Неужели Костя не помнит, как он этого не любит?!

— ...двадцать лет работы в прокуратуре, — закончил свою мысль Меркулов.

— Ага! — сказал Демидов. — А я вас везде ищу, Константин Дмитриевич. И что это, повод, чтобы телефон отключать? — совершенно непоследовательно закончил он и воткнул вилку в розетку.

И телефон, конечно, тут же зазвонил.

— Ага! — торжествующе сказал Демидов. — А ведь оказывается, вы кому-то срочно нужны. — Он ткнул длинным пальцем в Турецкого. — Может быть, даже очень срочно. Может, у людей какое-то несчастье.

— Пусть звонят по «02», — опять буркнул Грязнов. — Я возьму.

Солонин с трудом сдерживал смех.

Телефон между тем все еще звонил.

— И что, так никто и не подойдет? — удивился Генеральный прокурор.

Высокопоставленные собутыльники пожали плечами. Дескать, эта телефонная вакханалия их не касается.

Демидов сам снял трубку и переключил разговор на динамик, чтобы всем было слышно.

— Александр, — строго сказал оттуда женский голос (это была Ирина Генриховна). — Александр! Не хочу больше слышать никакого вранья про срочную работу. Немедленно — домой. — Вслед за этим пошли короткие гудки.

У Генерального прокурора отвисла челюсть. Они с Турецким были тезками.

Заместитель Генерального прокурора Меркулов К. Д. Москва. 23 августа, утро

Коридоры власти по степени своей суеты напоминали муравейник. Впрочем, при ближайшем рассмотрении это сравнение оказывалось неточным, поскольку суета эта, в отличие от насекомых, выглядела на редкость бестолковой. С другой стороны, так могло показаться лишь непосвященному наблюдателю, поскольку все телодвижения в стенах Государственной Думы имели свой скрытый смысл.

Парламентарии спешили в буфет или только что вышли из него. Журналисты спешили поймать парламентариев в этот короткий промежуток времени. Третья группа разношерстных граждан, непонятно как сюда попавшая, не спешила во все, но именно она-то и была самой многочисленной. Вероятно, она состояла из помощников депутатов, добровольных помощников официальных помощников депутатов, телохранителей добровольных помощников официальных помощников депутатов... ну и дальше в таком же духе.

Такая вот примерно картина открылась Меркулову, когда после довольно длительного перерыва ему пришлось посетить российский парламент для выступления с докладом о текущих громких расследованиях. Свежеиспеченный Гене-

ральный прокурор был еще в этих вопросах не совсем, как говорят, копенгаген, так что Константину Дмитриевичу пришлось защищать честь мундира перед народными избранниками в здании на Охотном ряду. Ну да не впервой. Тихий ровный голос, очки в тонкой оправе, прямой откровенный взгляд и корректные ответы на самые хамские вопросы традиционно производили впечатление. Сошло и на этот раз.

Голова, правда, немножко болела, а так все было в порядке.

После окончания заседания спикер Думы Сапожников пригласил Меркулова к себе в кабинет. Грузный, с вечно красным лицом, он спасался от духоты, все еще допекавшей людей его комплекции, только за собственным столом, на котором работало сразу два вентилятора. Кондиционера в кабинете отчего-то не было.

Меркулов, совершенно не представляя, о чем пойдет разговор, внимательно оглядел спикера и попытался припомнить, что о нем известно. Стандартный на сегодняшний день тип политика. Пятьдесят с хвостиком. Член крупной левой фракции. Что же еще?

— Многоуважаемый Константин Дмитриевич! — начал Сапожников, поворачивая один из вентиляторов на Меркулова, очевидно в знак гостеприимства. — Ни в коем случае не стану отнимать вашего драгоценного времени! Прекрасно понимаю: надо как можно скорее заканчивать затянувшиеся дела трех-, а то и пятилетней давности. Поэтому сразу беру

быка за рога...

Сейчас пойдет какая-нибудь гнусная просьба помочь «попавшему в беду троюродному племяннику бывшей жены», сообразил Меркулов.

— Так вот, дорогой Константин Дмитриевич. Плохо работаете. Я бы даже сказал, отвратительно!

Меркулов ушам своим не поверил. Ну и наглость! И это после совершенно благополучно прошедшего доклада?! Или у него такая манера шутить?

— Преступность вконец обнаглела, — гнул свое спикер, — а вы даже не считаете нужным обратить на это...

Меркулову показалось, что он находится на партсобрании где-нибудь эдак году в 80-м. Пора было это прекратить. Нервы дороже хороших отношений со спикером, которого через полгода переизберут, а еще через год про него никто и не вспомнит. Кроме троюродного племянника бывшей жены.

— Позвольте спросить, дражайший Иван Максимович, что вас так разгневало, кроме плохой погоды, разумеется? И то ведь жара уже потихоньку спадает.

— Убийство, дорогой мой, убийство! Убит хороший человек — это раз, крупный бизнесмен, работающий не только на свой карман, но и на благо Отечества, — это два, и мой близкий друг, наконец, — это три.

— Так что, три человека убиты?

— Это не повод для шуток, — пожурил спикер. — В том-то и тяжесть утраты, что все три великолепных качества при-

существовали в одном... э-ээ... организме, так сказать. Ныне покойном.

— Фамилия? — коротко потребовал Меркулов.

— Богачев.

— Вот оно что. Владелец фармацевтического концерна, если не ошибаюсь. Но он был убит на территории другого государства. И всего два дня назад. Так что немудрено, что...

— Богачев был гражданином России, — отчеканил Сапожников.

— Скорее всего, в этом деле принимает участие Московская городская прокуратура. И никакого неуважения к погибшему тут нет, абсолютно нормальная практика, соответствующая нашим правилам. Скажите лучше, почему вы заговорили об этом в приватной беседе? Почему не сделали запрос еще полчаса назад, в зале, во время моего доклада? Набрали бы очки, так сказать...

— Во-первых, я не ношу очков, — без тени улыбки заявил Сапожников. — А во-вторых, мы с вами — два крупных должностных лица, так что частная беседа в данном случае совершенно исключена. Кроме того, я уже направил соответствующее письмо вашему шефу. А сейчас просто воспользовался случаем лично пожелать вам удачи.

Политик, ничего не скажешь, оценил про себя Меркулов. Хотя и сукин сын первостатейный. Действительно, без очков видно.

«Важняк» Турецкий.

Москва. 23 августа

С похмелья самое главное было удержаться и не закурить. Тем не менее рука автоматически нашарила в кармане пачку «Парламента». Отродясь их не курил, довольно странно... Поднатужившись, Турецкий вспомнил, что вчера Демидов забыл в кабинете у «важняка» свои сигареты. Что дало повод Грязнову с Солониным заподозрить в этом скрытую форму подарка.

Дел, слава богу, на работе не было никаких и вряд ли предвиделось (если что-то из минувшего дня Турецкий помнил наверняка, так это подарок Меркулова: гуманное обещание не посылать дальше Зеленограда), так что можно было спокойно отходить с помощью холодного кваса.

Скандала с Ириной не произошло, поскольку, когда ночью Солонин с Грязновым привезли его домой и аккуратно выгрузили, она уже спала, а утром, вернее в 11.35, когда он наконец открыл глаза, жены уже не было. Зато была головная боль, несмотря на качественное давешнее спиртное. Надо бы поинтересоваться у Славки, где он его взял?

На кухне Турецкий обнаружил приклеенный к холодильнику зеленый квадратик бумаги с красноречивой надписью «Здесь!». Он последовал совету и обнаружил почти совершенно замороженную полторалитровую бутылку кваса. Су-

пруга о нем таки позаботилась. Все-таки в днях рождения есть свои плюсы. Хотя нет, день рождения у него завтра. Но тогда какого хрена они вчера его отмечали? Турецкий немного поднатужился, и голова затрещала сильнее. Вот же черт... А! Или, как говорит новый Генеральный, ага! Витька Солонин завтра отбывает в отпуск. Кажется, на острова Фиджи. А что ему? Молодой. Холостой. И не совсем бедный.

После первой же кружки кваса пришлось тащиться в переднюю, поскольку в дверь настойчиво звонили. Не иначе Ирка забыла ключи. Или, наоборот, оставила их дома в профилактических целях: чтобы расшевелить похмельного мужа. Или...

Пока Турецкий додумывал свою мысль, руки его уже успели справиться с замком, и он увидел того, кто настойчиво звонил. И чуть не упал.

— Ага! — сказал неожиданный посетитель. Иначе говоря, Генеральный прокурор Демидов.

За спиной у него виновато маячил Костя Меркулов.

Сгинь, нечистая, захотелось сказать Турецкому. Но проблема заключалась в том, что говорить не было никаких сил, а кроме того... Турецкий вяло махнул рукой: проходите, мол. Но все еще не слишком верил в происходящее. Генеральный прокурор Российской Федерации приехал утром к своему сотруднику? Зачем? Чтобы разбудить?! Проверить бытовые условия?!

Все трое прошли на кухню. Демидов похлопал себя по

карманам и пробормотал:

— Ага... Сигареты в машине оставил... или дома.

Турецкий протянул ему его же «Парламент». Демидов с удовлетворением затаился. Турецкого тут же замутило. А Меркулов начал разговор. Очень вкрадчиво.

— Саша, как ты относишься к самолетам?

Турецкому стало нехорошо, и это было видно по его лицу. Меркулов понял, что загнул, и решил зайти с другого края.

— Саша, у тебя ведь сейчас дочь в Крыму, верно?

Турецкий пробормотал что-то нечленораздельное.

Меркулов оглянулся на Демидова и продолжил чуть официально:

— Александр Борисович, у нас с тобой был недавно разговор, который, к сожалению... В общем, Саша, надо срочно взяться за расследование убийства Леонида Богачева. Кроме тебя, сейчас просто некому. Уж извини. В противном случае у Генпрокуратуры могут быть серьезные проблемы.

Демидов молчал, всем видом подчеркивая свою заинтересованность. Турецкого мутило все сильнее, он готов был взяться даже за поиски Янтарной комнаты, если бы его голова и внутренности через минуту пришли в нормальное состояние. Господи, что же такое было в этом «Ахтамаре»?!

— Саша, я понимаю твои чувства, день рождения и все такое, но ведь мы прежде всего — профессионалы. О черт! — вдруг остановился Меркулов и взялся за виски. — Как прихватывает с утра...

— Ага, — безо всяких эмоций сказал Генеральный.

— А, — подхватил Турецкий, будучи не в силах стесняться Демидова, — так тебя тоже? И как ты лечишься?

— Да как... Пью вот. — Меркулов, не глядя ему в глаза, достал из внутреннего кармана легкого льняного пиджака упаковку «алка-зельцер» и бросил в стакан воды сразу две таблеточки. — Тебе тоже дать? Быстро действует.

Через четверть часа Турецкий обрел некоторую уверенность и понял, что совершил непоправимую ошибку, когда пошел открывать дверь. Надо было не реагировать, черт возьми! Пусть бы искали его. Не нашли бы и, в конце концов, послали бы кого другого.

Инструктаж начальства и вводная в курс дела заняли еще некоторое время, после чего на кухонный стол лег конверт, в котором лежали билет на самолет, вылетающий через два с половиной часа из Внукова в Симферополь, командировочные и прочая лабуда. Турецкий смотрел на это и думал, что еще час назад спал и был счастливейшим из смертных, только вот не знал об этом.

А теперь влип.

И ведь не откажешься.

А как же обещание не поручать никаких дел за пределами Москвы?

А как же завтрашний день рождения?

В общем, жизнь прекрасна и удивительна.

— Машина ждет, — напомнил лаконичный Демидов, за-

бивая последним окурком пепельницу.

Ирка будет в бешенстве.

Надо удрать, пока ее нет. Это единственный выход. Вернее, исход.

...Через час они были во Внукове. В аэропорт приехали на машине Меркулова, Генеральный уехал в прокуратуру.

— Чего ты тут торчишь? — огрызнулся Турецкий в зале ожидания. — Я же улетаю, так езжай в контору, обойдусь без проводов.

Меркулов промолчал, но через семь минут стало ясно, чего именно он ждал. Прибыл курьер из Московской городской прокуратуры с пакетом лично для господина Турецкого.

— Теперь я спокоен, — сказал Меркулов. — Здесь материалы по Богачеву, которые украинцы передали в Москву. Почитаешь в самолете. Думаю, что ты с этим быстро разберешься. Весь фокус в том, что нужно продемонстрировать участие нашей конторы, ну и еще та закавыка, о которой Демидов уже говорил. Н-да... Все равно завидую тебе, все-таки в Крым летишь. — С этими словами он и отбыл.

Через полчаса Турецкий прошел паспортный контроль и еще через двадцать пять минут погрузился в ТУ-154 с двумя широкими полосами через весь фюзеляж — желтого и голубого цвета. На трапе у Турецкого сработал сотовый телефон. Он обреченно покрутил головой, понимая, что жена успела-таки обнаружить его исчезновение и нажал на клавишу «talk». А ведь Меркулов обещал взять ее на себя. Не

успел, значит.

Но это была не Ирина.

— Саша, — сказал слабый голос Солонина. — Ты как себя чувствуешь?

— Как в мышеловке.

— У меня голова разламывается, просто ужас.

— А, — обрадовался Турецкий. — У тебя тоже?

— Ну. Что это мы такое вчера...

Сзади на трапе уже напирали, стюардесса смотрела на него укоризненно.

— Витя, нету времени, бутылка осталась в кабинете, хочешь — проведи экспертизу без меня, а я еду купаться.

— О! Ты в баню? Точно, это то, что нам сейчас надо, чтобы выбить заразу из организма. Подожди, я тоже хочу.

— Вот и иди туда, — из последних сил выругался Турецкий и, отключив телефон, поднялся в салон самолета. Потом схватился за вновь разболевшуюся голову, что-то вспомнил, снова вытащил телефон, но тут он не работал. Чертыхаясь и невзирая на протесты стюардессы, Турецкий снова вылез на трап, набрал рабочий номер Грязнова. Занято. Тогда позвонил ему домой и, дождавшись, пока включится автоответчик, прокричал: «Славутич, мерзавец, офигенный коньяк мы вчера пили, сохрани для меня еще одну бутылочку, приеду, вставлю тебе в...»

Турецкий забросил свой замечательный кейс наверх,

плюхнулся на свое место возле иллюминатора. Соседнее пока что пустовало. Хорошо бы так было до самого приземления.

Он вытянул ноги и закрыл глаза. Почему-то немедленно появилась ухмыляющаяся физиономия Славы Грязнова. Ну нет, так не заснешь. Турецкий поднапрягся и представил себе дочь. На пляже. В какой-нибудь дурацкой веселенькой шапочке. В компании таких хохочущих девчушек. С резиновым кругом. Она ведь все еще не умеет плавать. Решено — надо обязательно заехать к ней в лагерь и украсть ее на денек-другой. Н-да, легко сказать — украсть. Для этого надо сперва хотя бы в общих чертах разобраться с этим гребаным убийством...

Детские черты лица вдруг немного исказились, вытянулись, и дочь превратилась в дражайшую супругу. Турецкий подумал, сколько всего Ирка наготовила к его завтрашнему дню рождения, сколько хлопотала, и вот все — псу под хвост.

Отвратительно.

Разве можно так поступать с близкими людьми? Почему это мы считаем, что близкие всегда поймут, простят, примут наше скотское поведение, подумалось ему. Да какого черта?! Это пусть посторонние стараются нас понять, принять и так далее. А к близким надо относиться с вниманием и заботой. Вот, например, сейчас надо бы забраться в кабину пилота и угнать самолет назад, во Внуково. Или, еще лучше, посадить

его прямо на Фрунзенской набережной. Если только она не прогнется.

...У Ирки вдруг непостижимым образом выросла жесткая щетка усов и появился неподражаемо угрюмый взгляд. Она... превратилась в Грязнова?! Но это был еще не конец. У Славки стремительно светлели волосы, и он в свою очередь мутировал в Солонина... Интересно, интересно, когда же дойдет очередь до Меркулова...

Он давно и прочно спал.

«Важняк» Турецкий. Крым, Симферополь. 23 августа

Леонид Богачев, глава концерна «Махаон» и самый крупный производитель и продавец лекарственных препаратов в России, был убит у себя в доме в ночь с 18-го на 19-е августа. Выстрелом в голову.

Поскольку Турецкий благополучно проспал весь полет от Москвы до Симферополя, то содержимое пакета просмотреть не успел, а эти вышеперечисленные, а также другие полезные сведения узнал от встречавшего его долговязого паренька, лет двадцати на вид, не больше, представителя Ялтинской городской прокуратуры, расследовавшей дело. Долговязый беспрерывно курил, балагурил с таксистами, вылавливающими клиентов, и размахивал самодельным мини-транспарантом с надписью: «А. Б. Турецкий».

Турецкий. Однако...

Турецкий хотел сесть на заднее сиденье белой «Нивы» (несолидный транспорт, отметил он про себя), но долговязый предложил:

— Садитесь рядом, легче будет общаться.

— Так я и хотел рядом, — удивился Турецкий. — Разве справа от водителя в этой машине два места?

— Так я и есть водитель, — простодушно объяснил долговязый. — А больше никого с нами не будет.

Отлично, с сарказмом подумал Турецкий, бросая свой замечательный кейс назад и располагаясь рядом с ним. Отлично! Местные власти с ходу демонстрируют свое отношение. Ладно, еще поглядим, что они тут сами наворотили. Тут, правда, Турецкий спохватился, что, собственно, еще понятия не имеет, что же на самом деле случилось. Выручил долговязый.

— Господин Торецкий, — сказал он, — запомню, как вас по имени-отчеству? Я — Аркаша, а вот ваши А. Б. — это что значит?

— Александр Борисович. Но почему — Торецкий? Я — Турецкий.

— Ну да, — засмеялся шофер, выруливая из города. — Бросьте заливать.

Турецкий пожал плечами и стал смотреть в окно. Живописный крымский пейзаж того заслуживал.

— Бросьте, бросьте. Мы все про вас знаем, — продолжал долговязый.

Турецкий снова удивился и снова промолчал.

— Меня предупредили, сказали, заберешь в Симферополе лучшего московского следователя!

— Что за бред?! — через силу возразил польщенный Турецкий. — Откуда здесь кто-то что-то может про меня знать?

— А нам из Москвы звонили и все про вас рассказали, Сан Борисыч. Сказали, едет самый крутой следователь Генпрокуратуры! Говорят, мол, если кто к нему на допрос попа-

дает, сразу раскалывается. Отца родного тут же закладывает. Ну а если не сразу, так он, то есть вы, бах — и в торец, бах — и в торец! А вы еще говорите, что не Турецкий.

Тут до Турецкого начало что-то доходить.

— Но тогда это у меня была бы не фамилия, а кличка, — хмуро заметил он.

— Хм, действительно, — после паузы согласился долго-вязый. — Как-то не подумал... Но тогда... — В лице его появилось явное разочарование: — Разве вы в торец им не лупите?

— Не луплю, — сказал Турецкий. И чтобы окончательно не разрушать иллюзии, добавил: — Нет нужды. И так раскалываются, гады. А теперь вот что, Аркаша. Во-первых, кури в сторону, потому что меня от этого мутит, во-вторых, дай мне тоже сигарету, так будет легче, а в-третьих, расскажи-ка, откуда у тебя обо мне такая подробная информация.

— Так ведь звонили сегодня из Москвы.

— Понятно. Из Генпрокуратуры, конечно?

— Не. Из уголовного розыска.

— Из уг... — Турецкий поперхнулся.

Вот теперь действительно все было понятно. Славка, мерзавец, нахулиганил. Услышал на автоответчике его, Турецкого, сообщение, узнал у Меркулова, куда он исчез, и опередил события.

— Ну и что сказали доблестные работники МУРа?

— Сказали, что вы категорически не любите пышных при-

емов и чтобы прислали за вами самую скромную машину и только одного водителя, потому что вы терпеть не можете общаться с провинциальными следователями. Чуть что не так — сразу в торец!

Долговязый Аркаша был не просто водитель, а студент-юрист, так что извоз работников Ялтинской прокуратуры являлся для для него делом сверхпрофессиональным. Следователь, ведущий дело, снабдил Аркашу инструкциями, что говорить господину «Торецкому», хотя, как подозревал последний, в этом не было особой нужды. Убийство Богачева оказалось событием в однообразной крымской жизни настолько значительным, что о его подробностях знала каждая собака, а непосредственно в окрестностях Ялты — каждый щенок. В этом Турецкий смог убедиться позднее.

А пока что он вскрыл наконец пакет, присланный из Московской прокуратуры, и сопоставлял его содержимое со сведениями Аркаши.

У Богачева был в Ялте большой дом, в котором он вместе с семьей проводил обычно значительную часть лета. Это лето, последнее в его жизни, не стало исключением. Кроме жены и дочки на вилле жили работники его службы безопасности, общим числом семь человек. А также гувернер дочери, обучающий ее иностранным языкам, и его... дед. Именно этот момент представлял наибольший интерес для следствия.

Обрусевшие немцы Артур Карлович Гукк и его внук Вик-

тор были уже несколько лет тесно связаны с семьей Богачевых. Артур Карлович, судя по всему, был неплохим специалистом по ювелирным украшениям, во всяком случае, именно на этой почве у него были некоторые деловые отношения с женой, вернее, вдовой Богачева. Не то до, не то после убийства Богачева Гукк-старший исчез, и одновременно из дома пропали драгоценности. Совпадения в высшей степени подозрительные. Тем более, что все остальные домочадцы остались на вилле. Если, конечно, Богачева не пришел кто-то из внешнего мира. Или, с другой стороны, его могли убить и домашние, а заодно отправить на тот свет Гукка-старшего, а тело его, допустим, утопить. Дескать...

Нет-нет, оборвал этот поток сознания Турецкий. Слишком рано делать выводы. Еще неизвестна даже половина фактов. Итак, пока что есть три значимых события. Правда, хронологический порядок их неясен.

1. Убийство Л. Богачева.
2. Исчезновение А. Гукка.
3. Пропажа драгоценностей.

Кстати!

Что за драгоценности?

— Что там сперли такое у Богачевых? — небрежно спросил он у водителя в тот момент, когда их «Нива» пересекала знаменитый крымский перевал.

— А! — обрадовался Аркаша. — В этом все дело! Там какие-то жутко ценные камешки были, которые старый Гукк

уволок...

— Подожди. Как это уволок, откуда это известно? Есть свидетели?

— Ну, как же, он смылся, камешки исчезли, у Гукка долги были большие, это все знают. Чувствуете связь?

— Слушай, студент, ты слышал что-нибудь про презумпцию невиновности? То, что этот ваш Гукк уехал или убежал, подозрительно, но ровным счетом ничего не доказывает. Это мы должны доказывать, что он — преступник, а не он — оправдываться. Иначе было только в тридцать седьмом году.

— Да бросьте, Сан Борисыч, — безапелляционно заявил Аркаша. — Вся Ялта знает, что Артур Карлович крупно проигрался Семе Барабану в карты. Вот вам и мотив. Так что он это, сто пудов, он!

Было бы неплохо, промелькнуло у Турецкого. Тогда остается только найти деда и — за решетку. Хотя бумаги, которые Турецкий просмотрел, ровным счетом ни о чем не говорили. Поверхностная информация о показаниях всех домохладцев, снятых 19 августа.

Московская прокуратура никаких принципиально иных выводов не сделала. Вмешиваться в украинское следствие она особо не стремилась. И если бы не повышенная активность спикера Госдумы Сапожникова, то и его, Турецкого, здесь бы сейчас не было. Сапожников с покойником, очевидно, были закадычные корефаны, но и это не являлось достаточным, чтобы привлечь к делу Генпрокуратуру.

Богачев, само собой, крупный бизнесмен, но хлопнули его за границей, так что, в общем, до поры до времени не наше это дело. Если бы не один маленький нюанс. Оказалось, что начальником охраны Богачева был некто Дмитрий Трофимов, племянник... Демидова. Выходит, Меркулов, когда наобум предположил, что спикер будет просить за какого-нибудь родственника, попавшего в беду, был недалек от истины, а вернее, стоял к ней спиной: спикер вполне мог знать о родственных связях Трофимова с Демидовым и давить на последнего. Ведь теперь, когда его племянничек оказался вовлечен в этот скандал, возникала неприятная ситуация для свежеиспеченного Генерального прокурора. И он просто обязан был держать руку на пульсе.

Впрочем, до всех этих политически-семейных тонкостей Турецкому не было особого дела, лишь бы они не мешали поскорее разобраться и свалить отсюда к дочке.

Вилла Богачевых располагалась на самом побережье в пяти километрах от Гурзуфа. Решено было заехать посмотреть на нее со стороны, поскольку, кроме как проезжая мимо Гурзуфа, в Ялту все равно не попасть.

— Отлично! — с энтузиазмом сказал Аркаша. — Искупаемся!

— Да вот фиг вам, — пробурчал Турецкий. — Я плавки дома забыл.

— Ну это ничего. Придумаем что-нибудь. Напрокат возь-

мом, — хохотнул Аркаша.

Заехали в Гурзуф, миновали военный санаторий, остановились. Дальше начинался режимный участок, в который на машине можно было пробраться только с соответствующим пропуском в виде пяти гривен. Но дело было даже не в столь смешной сумме, просто Турецкий не хотел светиться раньше времени. Так что к морю спустились пешком. Перекусили в чебуречной и двинулись в западном направлении.

Жара была приличная, и они разделись до пояса, сняли обувь. Турецкого поразило, что, несмотря на обилие загорающей публики, купающихся практически не было.

— Холодное течение пришло, — догадался Аркаша. — Вчера обещали, я совсем забыл. Так что не переживайте насчет плавок, все равно не вышло бы. Там градусов тринадцать, не больше.

Но Турецкий не мог в такое поверить. Он попробовал воду босой ногой и рефлекторно отскочил. Водичка отрезвляла и приводила в чувство похлеще, чем «алка-зельцер». Кстати, надо бы все-таки позвонить Грязнову, не забыть... Да, но если вода такая холодная, значит, его Нинка в своем лагере не купается совсем?! Хорошенький отдых.

— А если течение пришло, значит, везде так холодно? — спросил он.

— Понятия не имею. Может, на Балтийском море еще хуже, — хохотнул Аркаша.

— Ты не паясничай. У меня дочка в лагере отдыхает.

— Где именно?

— Где-то под Севастополем, точно не знаю.

— Ну, — протянул Аркаша, — это ж отсюда километров сто. И берег меняется, заливы, бухты, мысы. Там, может, парилка совсем. Вот она.

— Кто? — не понял Турецкий.

— Вилла ваша. Богачевых то есть.

Турецкий невольно присвистнул. Зрелище действительно было достойное. Трехэтажный дом стоял на взморье. Метрах в двадцати перед ним следовал довольно крутой спуск к бухте, а скорее, к небольшому заливу. Вечером, при закате, наверное, дом смотрелся очень красиво, но и сейчас выглядел впечатляюще.

Широкий фасад, две башенки по краям, имитирующие сторожевые посты средневековых крепостей. Широоченные веранды на первом и третьем этажах. Красная черепичная крыша, веселые флюгера. Во всем этом была типичная эклектика новых русских. Впрочем, без особой дурновкусицы. Не иначе, дом Богачева был местной достопримечательностью. Слева от Гурзуфа — дача Чехова, справа — дом Богачева. Кстати, на крыше у него развевался небольшой белый флажок с зеленым крестом — аптечная символика.

Территорию вокруг дома фиксировал внушительный двухметровый забор. Наверняка все поползновения проникнуть через ограду должны были пресекаться охраной.

Турецкий внимательно оглядел ландшафт. К дому сле-

довала только одна дорога. С одной стороны его окружал небольшой для такой громадины, но насыщенный сад. Ясно было, что он тут не урожая для, а колорита ради. С другой — прямо перед домом был бассейн. И барским излишеством там не смотрелся. Дело в том, что с моря к дому можно подняться (и соответственно, спуститься) по лестнице. Но, учитывая в высшей степени скалистый берег, сделать это тоже крайне непросто, если только не всплыть в бухту на подводной лодке.

...В 17.05 «Нива» остановилась у Ялтинской городской прокуратуры, и Аркаша проводил Турецкого на второй этаж, где в крайнем слева кабинете обедал следователь Макаров. Обедал по полной программе. Он уже приканчивал крошку и бросал плотоядные взгляды на второе — дымящиеся макароны по-флотски. Оба блюда располагались на рабочем столе, более того, прямо на каких-то документах.

Турецкий, несмотря на уговоры Аркаши, что у них тут никогда ничего не пропадает (кроме драгоценностей мадам Богачевой, разумеется), захватил свой новенький кейс. Он совсем недавно потерял бумажник, и, кроме того, ему просто чрезвычайно нравилось таскать чемоданчик с собой.

Следователь Макаров, нимало не смущенный тем, что его застали в столь интимной обстановке, широким жестом предложил Турецкому, да, вероятно, и Аркаше (он тут явно был своим человеком) присоединиться к трапезе. Правда, где это все готовилось и кем доставлялось, понять бы-

ло сложно. Если только Макаров не вынимал готовые блюда прямо из рабочего стола.

— У нас тут рядом любимая кафешка, — подсказал Аркаша, словно прочитав мысли Турецкого. — «Раковина». Оттуда это все. Они нам доставляют. Там для прокуратуры организовали даже специальную службу. Вроде разносчиков пиццы. Обязательно вас свожу.

— Аркан, — сказал Макаров, — мой стажер, а теперь — ваш личный шофер. И референт, так сказать. Решит любые технические вопросы. — Он вытер руки и протянул Турецкому папку. — Вот материалы, в том числе протоколы допросов. И здесь, кстати, постановление Генпрокуратуры Украины о вашем участии в расследовании. И вот еще прислали из Киева для вас удостоверение, где вы числитесь специальным помощником Генпрокурора Украины в расследовании дела об убийстве Богачева. Хочу, кстати, предупредить, что есть еще одно расследование, которое проводится м-мм... негосударственной структурой.

— Понимаю. Родственники покойного наняли частных детективов?

— Отнюдь. Страховая компания «Финист».

— Простите?

— Эти пропавшие цацки, — напомнил Макаров, — что-то очень серьезное. Они были застрахованы на огромную сумму. Как раз на случай ограбления. Короче, теперь страховая компания в шоке. Если они выплатят вдове Богачева

страховку, то пойдут по миру. Вот и проводят собственное расследование.

— Ну да, — встрял Аркаша. — У них же всего два варианта. Либо найти цацки и вернуть Богачевой, либо доказать, что она их сама у себя сперла, чтобы заработать дважды.

Турецкий с одобрением посмотрел сначала на Аркашу, затем на следователя, все еще удивляясь, какой свободой здесь пользуется его личный водитель, он же стажер.

— Точно, — подтвердил Макаров. — Наш вундеркинд, — кивнул он на Аркашу. — Для вас забронирован номер в гостинице «Ялта». Там у вас будет открыт счет в баре и ресторане. Сейчас море немного холодное, пришло тут какое-то течение на нашу голову, так вот в вашей гостинице есть отличный бассейн с морской водой.

Тут Макаров замялся, видно было, что что-то еще вертится у него на языке. Турецкий, уже собравшийся уходить, выжидающе повернулся к нему. Ободренный Макаров наконец выдавил из себя:

— Скажите, Александр Борисович, а это правда так здорово действует на подсудимых? Ну — когда в торец?!

Коридорный открыл номер 714 и пропустил Турецкого вперед. Апартаменты представляли собой большую комнату с широкой двуспальной кроватью. Еще одна кушетка располагалась в комнатке поменьше. Мини-бар, телевизор. Ванная, которую язык не поворачивался назвать санузлом, осле-

питательно сияла. Махровые полотенца, халат.

Коридорный положил ключи на стол и терпеливо ждал. Но Турецкий справедливо решил, что поскольку он ничего такого за ним не носил (кейс Турецкий по-прежнему никому не доверял), то чаевых не заслуживает. Поэтому «важняк» развязно похлопал его по плечу:

— Спасибо, парень. И скажи, чтобы меня не беспокоили в ближайшие два часа.

Коридорный мгновенно ретировался, вздрогнув от одного лишь прикосновения. Турецкий удивился, а потом вспомнил, что он же «Торецкий». Понятно. Слава идет впереди героя. Кстати, каламбур. Учитывая, кто запустил эту дезу: «Славка идет впереди героя»! Ладно, фиг с ним. Головная боль практически прошла, так что стоит заняться делом.

Турецкий заказал обед в номер, а также свежую местную прессу. Удивлять своим изысканным вкусом он никого не собирался. И через пятнадцать минут ему доставили салат из свежих овощей, солянку и эскалоп с жареным картофелем.

А еще через полчаса следователь по особо важным делам, захватив полотенце, спустился в холл и в первом же гостиничном киоске купил себе плавки, шорты, очки для бассейна и бейсболку с фальшивой надписью «Найк». Следующий киоск был аптечным, и, поразмыслив минуту, Турецкий добавил к своим покупкам несколько упаковок «алка-зельцер» и активированного угля. Пару черных таблеток он сразу же отправил в рот, что, учитывая недавнюю нагрузку на пище-

варительную систему, было совсем нелишним.

После этого он прошагал через душевые в бассейн, сполоснувшись под прохладной водой и с трудом натянув плавки.

Вокруг бассейна было народу еще больше, чем в нем самом. Очевидно, постояльцы «Ялты», проводившие свой досуг на берегу моря, действительно перебрались сюда, в тепличные условия.

Турецкий заметил свободный шезлонг на самом краю бассейна и, не раздумывая, плюхнулся в него. Купаться он не спешил. Предстояло еще переварить обед, и, кроме того, у него была назначена встреча с человеком, которого он прежде никогда не видел. Еще из своего номера Турецкий позвонил на пейджер Аркаше и в приказном порядке потребовал, чтобы он ему этого человека привез под любым видом. Прямо к бортику бассейна. Надо было немедленно брать быка за рога. Или корову за что там у нее есть...

Турецкий успел внимательно просмотреть газеты, прежде чем появился Аркаша. Ничего нового он из них не почерпнул. Пресса смахивала на «Московский комсомолец» местного разлива. Кричащие заголовки и полное отсутствие каких бы то ни было серьезных фактов изобиловали во всех материалах, посвященных убийству Богачева. Всех их объединяло еще одно обстоятельство: о пропаже драгоценностей в газетах не было сказано ни слова. Ну понятно, страховая компания постаралась.

Турецкий отшвырнул прессу и взялся за протоколы допросов свидетелей. Собственно, никаких свидетелей-очевидцев, по сути дела, и не было, поскольку, несмотря на то что в доме было полно народу, никто ничего не видел и не слышал. Кроме нескольких охранников, все спали, или говорили, что спали. Никаких конкретных подозрений ни у кого не было. Конечно, Богачев, как крупный бизнесмен, закономерно мог иметь недоброжелателей или конкурентов. Но ведь при первом допросе его жена, вернее, уже вдова не смогла вспомнить каких бы то ни было фактов, подтверждающих гипотетическую версию о заказном убийстве, связанном с бизнесом покойника. Конечно, состояние его бизнеса на момент убийства нуждается в более тщательной проверке.

С другой стороны, пропажа ювелирного изделия, которое исчезло вместе с восемью с половиной тысячами долларов (все это находилось в сейфе), вполне может свидетельствовать об ограблении, которому хозяин неудачно пытался помешать.

А с третьей стороны, Богачев был убит единственным выстрелом, очевидно, через подушку, так что, скорее всего, во сне.

Заключение баллистической экспертизы еще не было готово. Но из показаний криминалиста, уже допрошенного в качестве свидетеля, следовало, что выстрел (с учетом подушки) был произведен с расстояния не более полуметра. А зачем убивать человека во сне через подушку, но с расстояния

полуметра?!

Черт-те что получается. Ни то ни се.

Редкий грабитель отважится на убийство, все-таки это два слишком разных по степени тяжести преступления. Но иногда такое случается. Опять же если грабитель вооружен, а хозяин ему мешает. Ага, как говорит Демидов. А что, если предположить, что Богачев вошел в комнату и застал там грабителя? Тогда тот выстрелил в него через подушку в качестве глушителя. Забрал камешки и смылся как пришел.

А как пришел-то?!

А черт его знает.

Надо проверять и перепроверять домочадцев, особенно службу безопасности. Хорошо хоть с них всех догадались взять подписку о невыезде.

Проблема в том, что Богачева уложили одним-единственным выстрелом, тем более через подушку. И прямо в лоб. Это больше смахивает на почерк киллера-профессионала, чем вора, случайно воспользовавшегося оружием.

В любом случае надо ждать заключение баллистов. Пулю, которую извлекли из головы Богачева, для верности отправили в симферопольскую криминалистическую лабораторию.

— Александр Борисович! — вдруг раздался над ухом знакомый веселый голос.

Турецкий вздрогнул, и папка с протоколами, заключени-

ями и справками выскользнула из рук прямо в воду. Отдельные листы выскочили и ушли в самостоятельное плавание. Турецкий растерянно оглянулся: рядом стоял Аркаша и чуть поодаль незнакомая молодая женщина в белых свободных брюках и зеленоватой майке. Удивление, явственно проступившее на ее красивом лице, чуть скрывали большие черные очки.

— Доставил, — сказал Аркаша, — в лучшем виде. — Он явно гордился собой.

Женщина по-прежнему молчала, откинув со лба назад мешающие каштановые волосы.

Турецкий встал и, ни слова не говоря, нырнул в бассейн. Аркаша и женщина уставились друг на друга. Турецкий тем временем собрал листки и швырнул их на сушу, проплыл двадцать пять метров туда и обратно и вылез из бассейна. Но тут же почувствовал, как застучало в висках, придавило в груди и замутило в желудке. Н-да, пожалуй, после вчерашнего возлияния это все-таки был перебор. Тогда он жестом позвал официантку и потребовал стакан минеральной воды, причем немедленно. Когда живительная влага была доставлена, Турецкий бросил в нее сразу две таблетки «алка-зельцер» и, дождавшись растворения, выпил залпом.

Все это время Аркаша и женщина стояли молча.

— Как же ты ее уговорил, — спросил наконец Турецкий, словно дамы рядом не было. — Небось про торец наболтал?

— Эй, — не выдержала женщина, — может, вы со мной

наконец поздоровайтесь?

— Всему свое время, — отрезал Турецкий.

— Не, — сказал Аркаша, — про торец не говорил. Сказал, что вы утрясете ее проблему со страховой компанией.

— Много на себя берешь, — проворчал Турецкий. — Пойди покупайся пока. — Хотя он прекрасно понимал, что это был, пожалуй, единственный ход, который мог заставить Екатерину Богачеву приехать сюда. Ибо это была действительно она.

— Присаживайтесь, госпожа Богачева. — Турецкий подвинул для нее еще один шезлонг.

— Вика, — сказала Богачева подошедшей за стаканом Турецкого официантке, — принеси мне, пожалуйста, мартини со льдом.

Похоже, она тут как у себя дома, подумал Турецкий.

— «Бьянко» или «Рокко»? — привычно поинтересовалась официантка.

— «Бьянко».

— Екатерина э-ээ... — начал было Турецкий.

— Зовите меня Катей.

Ей явно меньше тридцати лет, прикинул Турецкий. И чертовски хороша собой. Вдова.

— Насчет страховой компании, — сказал он. — Ничего пока обещать не могу, но...

— Я понимаю, — перебила Богачева. — Они сами отвяжутся. Это ведь очевидно, что тот, кто убил Леню, забрал и

подвески.

— А что это такое, расскажите подробней.

— Ювелирное украшение. Очень редкое и, наверное, дорогое.

— И сколько оно стоит?

— Понятия не имею.

— Вам его подарили? Муж?

— Не совсем. У нас был... есть друг семьи, большой знаток антиквариата и прочих дорогих вещей. Он помогал мне не только с выбором драгоценностей.

— Иначе говоря, он их для вас доставал?

В знак согласия она опустила длинные ресницы.

— Значит, муж оплачивал, а он доставал? И, в частности, эти подвески достал именно он?

Снова движение ресницами.

— Фамилия, — коротко потребовал Турецкий.

Богачева молчала.

— Фа-ми-ли-я.

— Гукк, — выдавила она. — Артур Карлович.

— Где он был в ту ночь, когда...

— Понятия не имею. Возможно, в Москве. Во всяком случае, он уехал туда около двух недель назад.

Официантка принесла Богачевой бокал мартини.

— Но он же мог и вернуться, — предположил Турецкий, а про себя подумал, что хотя бы формальная хронология двух событий проясняется. Сначала — исчезновение А. Гукка.

Потом — убийство Л. Богачева. И соответственно — пропажа драгоценностей.

— Тогда я бы знала.

— Почему?

— Потому что здесь, то есть в Гурзуфе, он жил в нашем доме.

— А почему?

— Это что, допрос? — удивилась Богачева.

— Конечно. А вы что думали? К сожалению, то, что погиб именно ваш муж, не исключает вас из числа ни свидетелей, ни потенциальных подозреваемых.

— Вы шутите?

— Отнюдь. — Турецкий был намеренно жесток. Поскольку он тут был один, то приходилось одновременно играть роль и злого и доброго полицейского. А начинать всегда стоит с худшего. — Я уверен, что в стенах городской прокуратуры или в том месте, где произошло убийство, вам говорить было бы труднее.

— Скажите какой психолог, — насмешливо пробормотала Богачева.

— В наших и в ваших интересах, — не реагируя, продолжил Турецкий, — разобраться с этим делом как можно скорей. Давайте не будем друг другу мешать. Наверняка ведь вы хотите сейчас поскорее уехать из этого дома.

— Черта с два, — сказала вдова.

Турецкий был удивлен и не считал нужным это скрывать.

— Никуда я не поеду, — повторила свой тезис Богачева.
— Я себя здесь лучше чувствую, чем в Москве. И дочке моей здесь хорошо.

— Что вы ей сказали обо всем случившемся?

— Что папа в командировке. За границей... Я не могла. Она его обожала, — безо всяких эмоций сказала Богачева.

— Сколько ей лет? — на всякий случай поинтересовался Турецкий.

— Семь.

— Вы говорите, что останетесь здесь, но ведь через неделю ей нужно идти в школу, разве нет?

— Юля будет учиться в гимназии, где занятия начинаются первого октября. Там заботятся о здоровье своих учеников и дают им возможность побольше отдохнуть, — равнодушно проинформировала Богачева.

— Это хорошо, — согласился Турецкий. — Хотел бы я, чтобы и моя дочь училась в таком месте.

— Но с вашей зарплатой... — продолжила его мысль Богачева.

Он согласно кивнул. Она ему почти нравилась.

— А где она сейчас?

— В лагере. Здесь, в Крыму.

— Правда? Так бросайте все к черту и езжайте к ней, — предложила Богачева.

Турецкий ушам своим не верил. Посмотрел на Катин бокал: она выпила всего ничего.

— Что это вы такое несете? Я — следователь Генеральной прокуратуры России и приехал на Украину специально, чтобы заниматься делом вашего мужа!

Она взяла сумочку, недвусмысленно встала и подозвала официантку.

— Разговор еще не закончен, — сдерживаясь, прошипел Турецкий.

Богачева, видимо, поняла, что это не шутка, и попыталась исправить ситуацию:

— Я только хотела расплатиться.

— Запишите на мой счет, — сказал Турецкий подошедшей Вике.

— Не получится, — едва улыбнулась Богачева. — Я хорошо знаю эту гостиницу, здесь в кредит не дают.

Но официантка послушно выполнила просьбу Турецкого и удалилась. Богачева была откровенно удивлена. Но тем не менее пренебрежительно махнула рукой, и перед Турецким быстро промелькнули несколько колец с крупными камнями.

— Да бросьте вы, Александр Борисович. Ведь все равно ничего не получится. Только время зря потеряете. Сами же знаете, в нашей стране никогда не раскрывают заказных убийств.

— Я вас не понимаю, — сознался Турецкий. — К чему этот идиотский эпатаж?! Ведь вашего же мужа прикончили!

— Прикончили, — согласилась она. — Уконтрапупили.

Ухайдакали. Замочили.

И тут только Турецкий увидел, что из-под черных очков по гладким смуглым скулам стремительно бегут две мокрые дорожки. Оказывается, она плакала, но продолжала его дразнить.

Он помолчал какое-то время, давая Кате возможность прийти в себя. Она вдруг снова встала и молча ушла. Причем произошло это настолько быстро, что Турецкий не успел ничего предпринять. Он лишь вскочил из шезлонга, но Катя уже скрылась в одном из выходов. Турецкий со вздохом опустил обратно (не бежать же за ней, в самом деле!) и обнаружил, что рядом лежит ее сумочка. Забыла? Или еще вернется?

Через две минуты Катя появилась. На ней был синий в мелкую клетку купальник. Турецкий успел только заметить поразительную стройность ног и почти мальчишескую узость бедер — учитывая довольно внушительный для женщины рост, она выглядела натуральной моделью на подиуме. «Модель», едва дойдя до края бассейна, подняла руки вверх и, вытянувшись в струну, сделала сильный толчок вперед и вверх. Мгновение спустя ее гибкое тело погрузилось в воду, а еще через несколько секунд, вынырнув уже через добрый десяток метров, она поплыла четким правильным кролем.

Турецкий невольно залюбовался этим зрелищем. Уже вылезший из воды Аркаша тоже открыл рот.

— Ты мне сегодня больше не нужен, — сказал Турецкий.

— В крайнем случае, позвоню.

Когда она вылезла из бассейна, Турецкий подал ей свое полотенце.

— Почему вы думаете, что убийство было заказным?

— Ничего я не думаю. С языка сорвалось. Не возражаете, если я еще поплаваю? А может, составите компанию?

— Я еще не созрел, — не моргнув соврал Турецкий, хотя уже начинал дымиться. Просто он, мягко говоря, не был убежден, что будет выглядеть достойно рядом с такой отменной пловчихой.

Через десять минут она вылезла из воды и первым делом спросила:

— Скажите, ваша фамилия Турецкий? Я определенно ее где-то слышала...

— Едва ли. Расскажите лучше подробнее про ваши подвески.

— Да что там рассказывать. Подвески как подвески. Вы читали «Трех мушкетеров»?

— М-mmm, — пожевал губами Турецкий.

— Ну неважно. Двенадцать бриллиантов, висящих на золотом колье. По десять каратов каждый. Довольны?

Турецкий мысленно ужаснулся, потому что просто не мог себе представить цену такого изделия. Но сделал непроницаемую физиономию и поинтересовался:

— Вы, похоже, равнодушны к такого рода побрякушкам, не так ли?

— Похоже, — спокойно подтвердила она.

— Сколько же они вам стоили?

— Это знал только мой муж. Ну и Артур Карлович, конечно.

— Но вы хоть имеете представление о порядке чисел?

— Ни малейшего, — довольно равнодушно ответила Катя.

— Ну допустим. А как вообще протекал процесс покупки? Супруг вручил вам подвески или сперва вы их увидели?

— Сперва увидела.

— Гукк принес их вам домой? Или вы куда-то ездили? К посредникам? К продавцам?

— Я никогда никуда не ездила. Это было условием нашего сотрудничества. И Леонид, кстати, просил о том же: чтобы я не светилась во всяких там ювелирных салонах и демонстративно деньги не транжирила. За имиджем своим следил. Ну, чтобы в прессе про нас ничего такого не появлялось. Так что вся техническая сторона всегда лежала на Артуре Карловиче.

— Значит, Гукк привез подвески к вам домой?

— Да. Только это было не здесь, конечно, а в Москве. Помню, он приехал и прямо с порога заявил: «Подвески Екатерины!»

— Когда именно?

— С полгода назад, точно не помню.

— Подвески хранились в сейфе. Вы знали комбинацию?

— Нет, конечно. Просто, когда мы шли на какой-то прием, Леня сам открывал сейф и выдавал их мне.

— Слушайте, какой может быть прием в Гурзуфе?!

— Ну не знаю. В Ялте-то светская жизнь какая-никакая функционирует. Или я их надевала, когда к нам кто-нибудь приезжал.

— И часто такое бывало?

— Гости? Да постоянно. У Лени постоянно бывали всякие деловые партнеры, но он настолько был хлебосольный, что всякий раз это превращалось в нечто большее.

— Скажите, а Богачев всегда держал ваши драгоценности в своем сейфе?

— Только эти подвески. Остальное все всегда было у меня. Вероятно, ценность подвесок действительно была особой, раз он был так непреклонен в этом вопросе. Впрочем, я не возражала. Хотя, честно говоря, чувствовала, имею их... ну, как бы в прокат, что ли.

— А он не пытался хранить подвески, скажем, в банке?

— Но я же их часто надевала! — возмутилась Катя. — Как вы себе это представляете?!

Турецкий попытался представить подобную ситуацию, возникшую между ним и его женой, и действительно не смог.

— Ну ладно. Если Гукк приносил вам драгоценности на дом, значит, либо ему, как посреднику, доверяли не только вы, но и продавцы, либо он сам был перекупщиком. И перепродавал камешки вашему мужу. Возможен такой вариант?

Она в раздумье покачала головой.

— Второе — вряд ли. Он не казался мне настолько состоятельным человеком. Думаю, что Артур Карлович должен быть известен как оценщик.

— Хорошо бы это было так. Тем легче будет его найти. Катя, а вы бывали в его московской квартире? Знаете адрес?

— Конечно. Он живет в самом центре, на Варварке.

— Давайте ему сейчас позвоним, — предложил Турецкий.

— Не стоит, — она покачала головой. — Я уже пыталась неоднократно. Никто не подходит.

— А его внук, гувернер вашей дочери, разве не знает, где находится его дражайший дедушка?

— По крайней мере, мне Виктор об этом ничего не говорил. Да и ведь допрашивали его уже, — напомнила она. — Так что, если бы он об этом говорил, вы бы уже знали. Нас ведь всех уже допрашивали. На следующее утро.

— Кстати, раз уж речь зашла о Викторе. Каким образом он попал в ваш дом?

— Он — внук своего деда, — напомнила Катя. — Для нас этого было достаточно.

— То есть это значит, что старшему Гукку вы доверяли абсолютно.

— В общем, да.

— Настолько, что доверили своего единственного ребенка его внуку?

— Послушайте, чего вы хотите от меня?!

— А чему он учит вашу Юлю? — не обращая внимания на ее раздражение, спросил Турецкий. — Ведь в школу, пардон, гимназию, она еще не ходит, по вашему признанию. Или уже осваивает науки дома?

— Он учит ее языкам. Он блестяще знает немецкий, очень неплохо английский и чуть хуже — французский.

Турецкий поднял руки вверх, сдаюсь, мол.

— Еще родственники у Гукка есть?

— Нет, насколько мне известно. Родители Виктора погибли. Довольно давно, — тут же добавила Катя, заметив, что Турецкий готов был задать вопрос по этому поводу.

Турецкий окончательно обессилел и мысленно капитулировал, но постарался придать лицу надменное выражение.

— Ладно, пока закончим на этом, только скажите мне, когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Гукком-старшим?

Оперуполномоченный МУРа Владимир Софрин. Москва. 24 августа, 14.10

С утра зарядил обложной дождь. Только к обеду он истощил свои силы и стих. Небо прояснилось, и сразу же по обильным лужам весело заскользили солнечные лучи.

Софрин, рядовой муровский опер, глядя из окна своего кабинета на эти изменения в природе, не улыбался и не светлел лицом. Предстояло заняться новым оперативным делом, которое вчера поручил ему лично начальник МУРа, генерал-майор Грязнов. А уж он-то никогда не подсовывал пустышек, не говоря уж о том, что относился к Софрину чуть ли не как к родному сыну. И Володя старался изо всех сил, чтобы не подвести своего наставника.

Вот и сейчас, узнав о сути задания, сразу почувствовал, откуда ветер дует. Из Генеральной прокуратуры, не иначе. На вопрос, уж не Сан Борисыча ли инициатива, Софрин получил едва заметный кивок Грязнова, что подтвердило предположение, но не обрадовало. Уж он-то знал, когда «важнюк» Турецкий и Грязнов начинали вместе свои игры, окружающее пространство превращалось в русскую баню, а помощники соответственно потели до седьмого пота.

На первый взгляд не такая уж и архисложная задача —

разыскать в Москве какого-то там Артура Карловича Гукка, старика, подозреваемого в убийстве. Но убийство совершено не здесь — это раз. И прихлопнули не какого-нибудь пенсионера Иванова-Сидорова (этим Генпрокуратура заниматься едва ли будет), а довольно заметную фигуру в отечественном бизнесе. Это два. В сумме получалось, что, как пойдут поиски и во что они выльются — вещь совершенно непредсказуемая.

Тем более что московскую квартиру Гукка уже внимательно обследовали. Вячеслав Иванович съездил туда лично и обследовал каждый закуток. Само собой, что старика там не было и в помине (не станет же подозреваемый в убийстве спокойно отсиживаться по месту прописки?!), и не только его, но и малейшей зацепки по поводу его возможного местопребывания. Жилплощадь не дала ни единой улики.

Но первая зацепка все же была. Только это и радовало. Грязнов получил информацию от Турецкого, что пропавшего Гукка познакомила с женой Богачева ее подруга еще со времен работы на подиуме. Вот с нее Софрин и решил начать.

Отойдя от окна, снял с вешалки джинсовую куртку и несколько секунд вертел в руках. Потом, решившись, надел ее и посмотрелся в висевшее тут же большое зеркало. На него смотрело узкое веснушчатое лицо с немного, как ему казалось, длинным носом и детскими серыми глазами.

— Н-да, — Софрин расчесал коротко стриженные волосы

и зачем-то еще пригладил их руками, — произвести впечатление вряд ли удастся. Или нет?

Дом моделей «Селена» располагался в старом отреставрированном особняке на Гоголевском бульваре, недалеко от станции метро «Кропоткинская». Выкрашенное в белые и оранжевые тона трехэтажное здание бросалось в глаза издалека. Широкая дубовая дверь выходила прямо на тротуар. Тут стояли припаркованные автомобили, в основном иномарки. Софрин шагнул внутрь.

Два рослых парня в черной униформе смотрели за стойкой по четырнадцатидюймовому «Самсунгу» какой-то боевик. Один сразу отреагировал и преградил вошедшему путь. Впрочем, в нем не было ничего угрожающего, больше — положенное по роду службы, хотя и немного детское любопытство. Стандартный вопрос уже готов был сорваться с губ, но Софрин его опередил. Молча показал удостоверение.

— По какому вопросу? — все же поинтересовался охранник.

— Мне нужна госпожа Алешина. Где ее можно найти?

Лицо парня от удивления приняло еще более детский вид.

— На втором этаже, в зале просмотра. Там спросите.

Софрин направился к мраморным ступеням. Поворачивая на лестницу, он задержался на просторной площадке. В помещение вошел мужчина в легком хлопчатобумажном костюме цвета кофе с молоком и белой рубашке. Его никто не остановил, не поинтересовался, кто такой и по какой надоб-

ности. Охранники приветственно, как старому знакомому, закивали ему, а тот, что разговаривал с Софриным, бросив пару слов, указал глазами на лестницу. Муровский сыщик едва успел уловить на себе взгляд «кофейного» незнакомца — он уже легко избегал дальше по ступеням.

На втором этаже в огромном холле находился бар, видимо, для своих. Он был наполовину пуст. Дверь с табличкой «Демонстрационный зал» располагалась рядом, слева. Вправо уходил коридор с многочисленными комнатами по обе стороны. Софрин, не мешкая, прошел в зал.

Людей и здесь было немного. Но царила оживленная рабочая атмосфера. Небольшой квадратный зал на две части разбивали ряды с обтянутыми красной материей сиденьями. На них группками по два-три человека сидели и перешептывались молоденькие девушки. По сцене, выполненной в виде мини-подиума, метался неопределенного возраста мужичок в темных широких брюках, ярко-красной рубаше и клетчатом жилете. Он наматывал круги вокруг одиноко стоявшей девушки, что-то на ней поправлял, отбегал и снова забегал с другой стороны. Там и поправлять-то было нечего. В таком наряде разве что на пляж. Софрину мужичок напомнил клоуна из далекого детства, когда родители водили его в цирк. Девушка прошлась, тот ее остановил, опять начал щипать и опять попросил пройтись.

Софрин перевел внимание на зал и, не долго думая, подсел к ближайшим к проходу девушкам.

— Извините, — начал он полушепотом, в тон окружающим, — я ищу Нонну Алешину.

— А чего искать? Вон ее на подиуме Мишунин терзает, — ответила ближайшая брюнетка, стриженная под мальчишка. Оценивающе взглянула на Софрина и демонстративно отвернулась, потеряв к нему всякий интерес.

Володя пересел поближе к выходу.

В этот момент в зал вошел «кофейный» мужчина. Постоял, рассматривая помещение и сцену, и сразу же вышел. Взгляд его безразлично скользнул по Софрину.

А на подиуме происходила смена действий. Мужичок что-то восхищенно говорил девушке, как оказалось, Алесиной, и проводил ее чуть ли не до спуска в зал. На сцену уже поднималась другая модель в блестящем вечернем платье.

Нонна пошла по проходу, ни на кого не глядя. Она двигалась, как будто и сейчас была на сцене. Софрин залюбовался. Высокая, стройная, с ногами, как говорят, от шеи, узкие бедра и маленькая грудь — ее фигура была создана для такой работы. А откровенное платье только сильнее это подчеркивало. Оно представляло собой легкую, по колено сетку в крупный квадрат с высоким вырезом по левому бедру, без рукавов, но с закрытым горлом. Коричневое, в тон платью, белье легко просматривалось под ним. Но все это не выглядело вульгарно. Софрин долго искал подходящее слово и наконец нашел. Экзотично. Да именно, эк...

Со своими филологическими поисками он чуть не про-

хлопал Нонну у выхода. Вырос перед ней, как ванька-встанька, представился. Симпатичное лицо девушки застыло в удивлении, большие карие глаза широко распахнулись.

— А что, собственно... — начала она.

— Не волнуйтесь. У меня к вам пара вопросов. Я не отниму и пяти минут, — успокоил Софрин.

— Ну, если так, — протянула она.

— Именно так, — поспешил заверить Володя.

— Давайте вот здесь и присядем.

Софрин был несколько удивлен таким предложением. Неужели в этом огромном здании нет другого, более уединенного места? Но сел рядом, в свободном последнем ряду.

— Скажите, Нонна, вы близкие подруги с Екатериной Богачевой?

— Да. А что? — она непонимающе посмотрела на него.

— Как часто вы видитесь?

Девушка увидела, что он ничего не записывает, и сразу осмелела.

— Раньше, когда вместе работали, часто. Почти каждый день. Потом она вышла замуж и оставила работу. Но встречаться продолжали, хотя и реже. Она и сюда к нам заглядывала. А что такое?

— Это вы познакомили ее с Артуром Карловичем Гукком?

— Н-да. Давно.

— А сами вы с ним видитесь?

— Довольно редко.

— Не могли бы вы подсказать, где я бы мог его найти? —
невинным тоном поинтересовался Софрин.

— Ну, дома, надо полагать.

— А где-нибудь еще, кроме московской квартиры, он мог бы находиться?

— Нет. Я и на этой-то была у него пару раз. А что, это связано как-то со смертью Леонида Георгиевича?

— Так вам, Нонна, известно об этом?

— А как же. Катя моя подруга. Да и так половина Москвы знает. А что?

Эти ее постоянные «а что?» начинали Софрина раздражать. Сообщать, что Гукка ищут как подозреваемого в убийстве, он не собирался. Но и чувствовал уже, что сейчас из нее ничего больше не вытащить. И сделал последнюю попытку.

— Нет, что вы. Просто Катя переживает. У них были очень дружеские отношения. А тут пропал человек. Нет его нигде. А такого за Гукком раньше не замечалось. — Девушка понимающе кивала головой. Софрин продолжал: — Возраст. Мало ли что могло случиться. А найти человека — это наша работа. Вот и делаем все возможное.

Нонна сочувственно и, как показалось Софрину, искренне развела руками.

— Но это действительно все, чем я могу вам помочь.

— А кто вас познакомил с Артуром Карловичем? — задал он приготовленный напоследок вопрос и уставился на нее, с

нетерпением ожидая ответа.

С ответом она помедлила.

— Один мой хороший старый знакомый.

— И как зовут вашего хорошего старого знакомого?

Девушка молчала.

— Такой хороший и старый, что вы даже имя забыли?

— Геннадий... Карамышев.

Вот тут Софрин достал ручку и блокнот.

— Извините за бестактность, работа такая... Как найти вашего знакомого? Я бы хотел и с ним поговорить о Гукке. Может, он поможет нам?

Девушка явно смутилась. Опустила огромные ресницы, что-то быстро соображая. Софрин пришел на помощь. Достал визитную карточку.

— Вот, возьмите. Пусть перезвонит мне сам. — Он поднялся. — Не буду больше задерживать. Спасибо за беседу.

— Так я же вроде ничем и не помогла. — Она тоже поднялась, опять превратившись в диву подиума.

— Ничего, это тоже результат, — своим ответом Софрин поверг спутницу в новую волну смущения.

Они вышли из зала. Прошли к бару. Мраморная лестница напротив вводила вниз.

— Нравится ваша работа? — вежливо поинтересовался Софрин.

Девушка просияла.

— Очень. Другой не представляю... До свидания, мистер

Холмс. — И всплыла в открытую дверь полутемного бара, тряхнув напоследок роскошными каштановыми волосами.

Немного обескураженный таким обращением, Софрин все же успел заметить «кофейного» незнакомца, одиноко восседавшего за столиком. К нему и направлялась Нонна Алешина.

На улице у самого входа в дом моделей Софрин заметил черный «БМВ». Когда он входил, машины не было. Рядом покуривал, облокотившись на раскрытую переднюю дверь, здоровый парень. Бритая наголо голова пускала солнечные зайчики. Другой сидел внутри. Из салона доносился затасканный хит группы «Руки вверх»: «Ну где же вы, девчонки, девчонки, девчонки, короткие юбчонки, юбчонки, юбчонки...»

Софрина уже мутило от этой песни, и он поспешил к метро.

В конторе он задержался допоздна. Прокручивал в голове разговор с моделью. Ничего нового и интересного не находил. Хотя, скорее всего, это и не последняя встреча.

То, что старика Гукка нет дома, стало известно еще вчера. Грязнов первым делом послал туда людей. Везде пока только нулевой результат. Знакомый Алешиной, естественно, так и не позвонил.

Магнитофонная звукозапись допроса в качестве свидетеля начальника охраны семьи Богачевых. Крым, Гурзуф. 24 августа, 13.00 — 13.35

Турецкий. Какие функции вы осуществляли при Богачеве?

Трофимов. Был начальником его службы безопасности.

Турецкий. Звучит громко. И сколько у вас было сотрудников?

Трофимов. Вы имеете в виду в доме? Поскольку в концертне Леонида Георгиевича существует отдельная структура, собственно там работает целая охранная фирма.

Турецкий. К этому вернемся позднее. Так сколько у вас было сотрудников в гурзуфском доме Богачева?

Трофимов. Кроме меня — еще шесть человек.

Турецкий. Как давно работала ваша команда?

Трофимов. Почти полтора года.

Турецкий. Состав менялся? Кого-то увольняли, приходили новые люди?

Трофимов. Ни разу.

Турецкий. Каковы были ваши функции?

Трофимов. Абсолютно стандартные. Охрана членов семьи. К дочери был прикреплен постоянный человек, а сам

Леонид Георгиевич и его жена персональных телохранителей не имели. У нас просто была посменная система. Не меньше двух человек всегда дежурили в доме.

Турецкий. И в ночь убийства Богачева?

Трофимов. 19 августа — трое. Я, Раструба и Кныш.

Турецкий. Опишите подробнее, как это происходило.

Трофимов. Да чего там описывать?! Сидели в караульном помещении, ну есть у нас такая комната на первом этаже. Каждый час Кныш или Раструба выходили во двор и проверяли, все ли спокойно. На это уходило минут по пять.

Турецкий. Вы можете уточнить, кто и когда выходил в интервале между тремя и пятью часами утра?

Трофимов. Сейчас посмотрю график... Значит так. Раструба выходил в 3.40, а Кныш — в 4.15. Но это была простая формальность.

Турецкий. Почему?

Трофимов. Да потому что мы были оснащены всеми необходимыми средствами слежения. Не скажу, чтобы Леонид Георгиевич был сильно подозрительный человек, но зайти в дом так, чтобы это не отразилось на наших экранах, нереально. Но и это еще не все. Все входы были оборудованы идентификационной дактилоскопической системой.

Турецкий. Это еще что такое?!

Трофимов. Ну, ведь чисто теоретически телевизоры, на которые попадает вся видеосъемка, можно заблокировать...

Турецкий. Да?

Трофимов. Я же сказал: чисто теоретически. Вы кино смотрите? Американские боевики. Так вот, в доме был заведен такой порядок: если ночью кто-то выходил из дому или, наоборот, появлялся, он прикладывал свою ладонь на входе к специальной идентификационной пластине. Естественно, все отпечатки ладоней домочадцев были занесены в память, так что это являлось своеобразным паролем, пропуском. А если они нарушены, моментально поднимается тревога.

Турецкий. Ничего себе. А вы говорите, Богачев не был подозрительным человеком.

Трофимов. Не был. Эту систему я ему посоветовал внедрить.

Турецкий. Чем мотивировали?

Трофимов. У сослуживца Богачева похитили сына.

Турецкий. Вот как? Расскажите об этом случае.

Трофимов. Ну, я особо не в курсе. Знаю только, что его удалось вернуть.

Турецкий. Выкупили или освободили?

Трофимов. Как-то договорились. Этим занималась СБ «Махаона».

Турецкий. Вот как, а официальные органы привлекались к этой операции?

Трофимов. Нет, таково было условие переговоров с похитителями.

Турецкий. Как зовут сослуживца? И когда это было?

Трофимов. Лапин. Петр Евдокимович. С полгода назад.

Турецкий. И после этой истории Богачев решил усилить охрану своей семьи?

Трофимов. Видимо, так.

Турецкий. Последний вопрос. Вы знали, что в сейфе у Богачева хранятся драгоценности и деньги?

Трофимов. Знаете, когда у богатого человека в комнате сейф, немудрено предположить, что он хранит в нем что-то ценное.

Турецкий. Спрашиваю еще раз. Вы знали, что в сейфе Богачева — бриллиантовые подвески и восемь с половиной тысяч долларов?

Трофимов. Про деньги — знал, про подвески — нет. На счет денег у нас был заведен такой порядок. Леонид Георгиевич обычно сообщал мне, какие суммы хранятся в доме. Думаю, он мне доверял.

**Оперуполномоченный
МУРа Владимир Софрин.
Москва. 24 августа, 20.10**

Дверь без стука отворилась, и на пороге возник Грязнов.

— Ты бы раскладушкой обзавелся, что ли, — начал он, проходя в кабинет, — если не можешь прерывать процесс движения мысли.

— Добрый вечер, Вячеслав Иванович! — очнулся Софрин.

Грязнов плюхнулся на стул.

— Кому как. Вот тебе, Вовка, например, как?

— По нашему... моему заданию — никак... Пока.

— Что, ничего путного у этой супермодели, как там ее...

— Алешина.

— Ну, не важно. Ничего не узнал?

— Не знает она, где его еще искать можно и с кем компанию водит. Вот. Но ее саму познакомил с Гукком один знакомый. Я оставил Алешиной свой телефон. Служебный.

— Гм-м, — иронически протянул Грязнов. — И он тебе, конечно, тут же перезвонил и назвал точный адрес, где Гукк прячется.

— Нет, — честно признался Софрин. — Может, завтра.

— Ну, удивил ты меня, Володя. Ты хоть именем поинте-

ресовался?

— А как же! — не без гордости выпалил сыщик. — Геннадий Карамышев. Не позвонит сам, наведу справки. Найду.

— Повтори.

— Карамышев Геннадий.

Грязнов откинулся на спинку стула.

— Не думаю, что позвонит.

Софрин предположил:

— Министр какой-нибудь? Она меньшего не стоит. Видели бы сами.

— А мне и видеть не надо, — Грязнов заулыбался. — У тебя до сих пор слюнки текут. А насчет министра — почти в «яблочко». Только с обратной стороны медали. Так что можешь не искать, я тебе сам за справку отвечу.

Володя Софрин был полностью деморализован всезнающим шефом. Его хватило только на:

— Ну и?

— Про бабушкинскую группировку слышал?

Софрин утвердительно закивал головой.

— Кличка лидера — Призер. Он и есть твой Карамышев.

Володя сразу вспомнил элегантного «кофейного» мужчину, подходящую к нему Нонну. И ему стало нехорошо.

— Я, кажется, видел его сегодня там. Блин... Ну кто ж мог знать, а?!

**Магнитофонная звукозапись
допроса в качестве свидетеля
охранника семьи Богачевых
гр-на Кныша. Крым, Гурзуф.
24 августа, 14.10 — 14.39**

Турецкий. Расскажите, чем вы занимались, работая охранником в семье Богачева.

Кныш. Так вы же сами все и сказали. Охранял семью Богачева.

Турецкий. У вас были конкретные функции?

Кныш. Нет, они были только у двух человек. Трофимов нами всеми командовал, а Жора Мальцев охраняет Юльку. То есть дочь Богачевых. Наследницу, так сказать. Принцессу.

Турецкий. Вы сказали: «функции были...», «Трофимов командовал», а «Жора охраняет...» О всех — в прошедшем времени, а о Мальцеве — в настоящем.

Кныш. Так мы же все, кроме него, и уволены.

Турецкий. Кроме Мальцева?

Кныш. Ну да! На следующий день после гибели Леонида Георгиевича его мадам нас рассчитала. Кроме Мальцева.

Турецкий. Интересно. И как она это объяснила? Служеб-

НЫМ несоответствием?

Кныш. Не знаю. Меня аудиенции не удостоили.

Турецкий. А от кого вы узнали о своем увольнении. От шефа?

Кныш. От Трофимова. Он нас всех собрал и сказал, что свободны, кроме Жоры. Свободны от работы то есть. Но надо подождать, пока приедет следователь из Москвы и быстренько проведет свое следствие. Потому что хохлам это убийство — до одного места.

Турецкий. Так и сказал — «быстренько»?

Кныш. Не помню, честно говоря. Может, я это от себя добавил. Хотя нет, кажется, Дмитрий именно так высказался. Да что тут такого, собственно?

Турецкий. Разберемся. Это не ваше дело.

Кныш. Да?! А что — мое дело?

Турецкий. Охранять своего босса. Но это вы прохлопали, так что теперь ваше дело — помогать следствию.

Кныш. В гробу я его видал, ваше следствие. Все равно не найдете ни хрена.

Турецкий. Да? Откуда такая уверенность?

Кныш. А вы меня на слове не ловите.

Турецкий. Когда я буду это делать, вы ничего не заметите, можете не сомневаться. Лучше отвечайте на вопросы, если действительно хотите поскорее вернуться в Москву.

Кныш. Валяйте.

Турецкий. В ночь, когда произошло убийство, дежурили

вы, Трофимов и Раструба, так? Вы можете припомнить что-нибудь необычное? Любой пустяк, который отличал бы это дежурство от всех остальных.

Кныш. Не могу. Мне эти вопросы уже задавали.

Турецкий. Буду с вами откровенен, господин Кныш. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Богачева наступила между 3.30 и 4.20 утра. В это время вы все втроем сидели в караульном помещении. Это частично подтверждает видеосъемка. Но когда именно, с точностью до минуты, произошло убийство, определить пока нет возможности. По свидетельству вашего начальника Трофимова, вы с Раструбой несколько раз по очереди выходили, как из комнаты, так и из дома. Так что вы автоматически попадаете в число подозреваемых. Это доступно? Замечательно. А теперь поймите, наконец, что любая мелочь, которую вы припомните, может оказаться очень важной для следствия. То есть для вас или для ваших друзей.

Кныш. Ну, это мне до одного места, Трофимов мне — не брат родной.

Турецкий. И давно у вас с ним плохие отношения?

Кныш. Не слишком.

Турецкий. Ладно, а с Раструбой?

Кныш. Это другое дело. С Игорьком мы ладим.

Турецкий. Так вот подумайте, чем можете ему помочь. И себе.

Кныш. А не пошли бы вы...

Турецкий. Это все?

Кньиш. Ага.

Оперуполномоченный Софрин.

Москва. 24 августа, 14.10

Утром следующего дня Софрин подъехал к загородной резиденции Призера, в Глаголево. Для этой отчаянной вылазки Грязнов выделил ему служебную машину не самого худшего качества — «форд». Пусть знают бандюки, что и менты на приличных автомобилях могут кататься, а не только на раздолбанных «москвичах» или «жигуленках».

Софрин со слов своего шефа уже знал, что в прошлом Призер — неоднократный чемпион России по биатлону. Но на международных соревнованиях он занимал только вторые и третьи места. Был, правда, даже олимпийским чемпионом — но лишь в командной гонке, в эстафете.

Разочаровался, небось, обозлился, рассуждал Софрин, и подался на большую дорогу жизни. Во всяком случае, эта тропа для него оказалась удачливей. Трехэтажный особняк, окруженный высоким бетонным забором, который, наверное, и база не возьмет, был лучшим подтверждением удачи и благополучия владельца. В архитектуре дома Софрин отметил полную безвкусицу, чему не слишком удивился. Подобных монстров он не раз наблюдал в ближнем и дальнем Подмоскovie. Здесь красного кирпича не жалели, возводя средневековые башенки рядом с современной крышей и террасой. Крыльцо вносило еще один штрих в этот дисбаланс.

Нагромождение стилей и эпох навело на мысль, что крышу нужно было бы выполнить на древнекитайский манер. Это сделало бы творение завершенным.

У ворот Софрину пришлось прождать какое-то время. После представления и объяснения цели визита перед переговорным устройством он промаялся минут десять. Наконец ворота отъехали в сторону и впустили его машину в просторный двор.

Из открытых ворот гаража торчал нос, похоже, того самого черного «БМВ», что он видел вчера у дома моделей.

Софрина встретил долговязый жилистый парень со скуластой физиономией и жестким ежиком на голове. Маленькие злые глазки зыркнули подозрительно. Дескать, чего приплелся, ментяра, внаглую, да еще в такую рань?!

На крылечко вышел вчерашний бритоголовый детина и добродушно заулыбался. У Софрина отпали последние сомнения.

— Этот что ли, Шум? — обратился бритоголовый к долговязому, с интересом рассматривая гостя.

— Других, как видишь, нет. — Долговязый по кличке Шум обернулся и зашагал к гаражу.

— Прошу, господин начальник, — пригласил встречающий, пропуская Софрина вперед. — В этом доме гостям всегда рады, даже незваным.

Софрин подумал, что с черным юмором у этого парня все в полном порядке. Уже на пороге их догнал голос Шума:

— Али, будешь возвращаться, прихвати термос со льдом. Просьба осталась без ответа.

Странные имена, решил Софрин, Шум какой-то, а этот — с совершенно рязанской физиономией — и вовсе Али.

В лифте они поднялись на третий этаж. У одной из трех комнат бритоголовый, он же Али, остановился.

— Сюда. Геннадий Андреевич ждет вас.

Карамышев действительно оказался тем самым «кофейным» незнакомцем. А впрочем, другого Софрин и не ожидал увидеть. Спортивно сложенный, подтянутый мужчина, чуть старше средних лет. Жестковато-привлекательное лицо, из тех, что нравятся женщинам, с тонкими губами и ямочкой на подбородке. Черные волосы аккуратно уложены назад, наверное, с помощью геля или мусса. Он явно напоминал итальянского мафиози из так полюбившихся братве фильмов. Вот только одежда в этот раз никак не подходила к образу дона. Спортивные брюки и футболка, долларов по пятьдесят каждые, придавали несколько дачный вид.

Софрин являл собой полную противоположность, но ему не стало неловко за свою джинсовую двойку и футболку, купленные на вещевом рынке в Лужниках, да к тому же не первой свежести. Он лишь проверил, бросив вниз взгляд, подняты ли манжеты на рукавах.

Карамышев разглядывал его в упор.

— Мы, кажется, встречались, — сказал он. Голос оказался бархатным, приятным.

— И совсем недавно, — подтвердил Софрин.

— Присаживайтесь, Владимир Андреевич, — пригласил хозяин, указывая на кресло напротив себя.

— Вижу, запомнили мое имя. Значит, видели визитку и все же не позвонили. — Софрин старался держаться спокойно, даже с некоторой наглечой.

Карамышев премило улыбнулся.

— Запомнил, потому что мы с вами тезки по отчеству. А звонить собирался сегодня. Дел много, знаете ли. Я человек занятой. А ваше дело, как мне объяснила Нонна, пустяковое.

— Пустяковое? — Софрин искренне удивился.

— Ну, исчезновение старины Гукка — не тот случай, чтобы поднимать из-за этого на ноги МУР. Не так ли, Владимир Андреевич? — И он пристально взглянул прямо в глаза Софрину. Тот весь подобрался.

— Что вы хотите этим сказать?

— А что вы хотите от меня услышать?

— Где, по-вашему, еще, кроме своей квартиры, он может находиться?

— Понятия не имею. — Карамышев перевел дух. — Прямо как на допросе. Как это где? У себя дома!

— Поймите, Геннадий Андреевич, мы ищем пропавшего человека. — Софрин остыл.

— Да бросьте, Владимир Андреевич. Вешаете лапшу на уши, прямо как младенцу. Не стыдно? Эти сказки могут с Нонной пройти. Выпить хотите?

— Нет, спасибо, — поспешно ответил сыщик, вспоминая, чем заканчиваются застолья с персонажами, подобными хозяину дома, пусть даже и с пользой для дела¹. И тут же добавил: — Я при исполнении. И за рулем.

— Тогда кофе?

Карамышев разлил из серебряного кофейника по маленьким фарфоровым чашечкам ароматный напиток. Указал рукой на журнальный столик между их креслами.

— Сахар, сливки. Угощайтесь. — Отпив глоток, блаженно прикрыл веки. — Кофе готовлю сам. Никому не доверяю. Это, если поверите, настоящая наука.

Софрину действительно кофе понравился, и он не замедлил сказать об этом.

— А старик Гукк вам нужен по двум причинам, — внезапно вернулся к прерванной теме Карамышев. — Вы его ищете или как подозреваемого в убийстве Лени Богачева, или как возможного свидетеля.

Софрин молча пил кофе. Его удивило умение Карамышева менять направление разговора, причем в интересном для него направлении. А зная о смерти Богачева, связи Гукка с его семьей и розыске последнего МУРом, нетрудно было догадаться об истинных причинах. Тут большого ума не надо. Тем более с его опытом. Но посвящать кого бы то ни было в подробности расследования Володя не собирался.

Карамышев между тем продолжал:

¹ См. роман Ф. Незнанского «Игра по-крупному».

— Но, возможно, вам стоит продолжить поиски... Только уже его труп.

При последних словах Софрин подскочил, чуть не вылив на себя кофейную гущу.

Карамышев удовлетворенно наблюдал за его реакцией. И цедил информацию:

— Не так давно старик жаловался мне на карточные долги.

— Он что, играл?

— Редко, но, как говорится, метко. Видимо, на тот раз ему сильно не повезло.

Софрин поднялся.

— А вот за это спасибо, Геннадий Андреевич.

— Всегда рады помочь.

— И мы также.

Каждый понял свою фразу по-своему.

**Магнитофонная звукозапись
допроса охранника семьи
Богачевых гр-на Раструбы.
Гурзуф. 24 августа, 15.05 — 15.55**

Турецкий. По-вашему, можно было проникнуть в дом незаметно для охраны?

Раструба. Разве что с воздуха. На вертолете.

Турецкий. Вы серьезно?

Раструба. Да нет конечно.

Турецкий. А если с моря?

Раструба. Шутите? Во-первых, надо еще суметь заплывать в бухту. Во-вторых, без лестницы по этому обрыву на равнину не подняться никакому альпинисту. Ну а даже если найдется такой уникум, то все равно, любое проникновение в дом было бы нами зафиксировано.

Турецкий. Значит, вы считаете, что Богачева застрелил кто-то из находящихся в доме?

Раструба. Выводы — это ваша работа.

Турецкий. Ваш намек был достаточно недвусмысленным,
Раструба. Расскажите о своих подозрениях.

Раструба. Нет никаких подозрений. Просто я знаю то же самое, что и все. Что подвески пропали, а вместе с ними и старый немец.

Турецкий. Вы имеете в виду Артура Карловича Гукка? Но ведь он уехал в Москву за одиннадцать дней до убийства и ограбления.

Раструба. Мог и вернуться. Хотя я лично этого не видел. Но по крайней мере, он и его племянник — два человека из домочадцев, которые вроде как отсутствовали 19 августа.

Турецкий. Вы хотите сказать, из тех, чьи отпечатки ладоней занесены в компьютер системы безопасности. А кто еще имел свободный доступ в дом, кроме охранников и Гукков? Ведь за таким домом кто-то наверняка должен был смотреть.

Раструба. Две женщины. Повар и горничная. Они обе местные, причем сестры. В доме Богачевых не жили никогда на моей памяти.

Турецкий. Вы меня удивили. Об этих дамах слышу впервые. В протоколах допросов свидетелей их никто не упоминал.

Раструба. А я знаю почему. У них обеих стопроцентное алиби. У них еще третья сестра была. В Симферополе. Умерла 17 августа. Они сразу туда и уехали. Так еще и не возвращались. Соответственно их никто и не допрашивал.

Турецкий. Логично. А еще? К примеру, садовник? Во дворе же сад большой?

Раструба. Да какой это сад? Вы посмотрите внимательно. Это ж роща. За ней отродясь никто не смотрел. Это у Леонида Георгиевича был пунктик. Имитация живой природы. И жена его переубедить не смогла. Так что не было са-

довника. А уж Богачевы — не те люди, чтобы фрукты с овощами себе на стол выращивать. Они бы уж как-нибудь прокормились.

Турецкий. Убедили. Теперь расскажите, чем вы все-таки так были заняты ночью 19 августа? И что произошло между Трофимовым и вашим приятелем, Кнышем.

Раструба. Откуда вы знаете?

Турецкий. Просто я гениальный сыщик.

Раструба. Ну да? А с виду не скажешь.

Турецкий. В этом весь фокус.

Раструба. Ну ладно, скажу. Мы играли в карты.

Турецкий. Это во время дежурства-то?

Раструба. А что такого? Это в порядке вещей, ничему не мешает. И Леонид Георгиевич знал и ничего против не имел. Иногда даже сам к нам подсаживался.

Турецкий. А во что играли-то?

Раструба. В покер. Это Дмитрия вообще-то увлечение. Его немец научил, Карлович то есть. А уж он — всех остальных. Ну и пошло. Ужасно заразительная вещь.

Турецкий. И что, кто-то жульничал, почему они поссорились?

Раструба. Да не ссорился никто, это перебор вышел. Просто я спасовал, а у Дмитрия с Кнышем оказались одинаковые комбинации. У обоих по две пары. Только у одного — две десятки и два короля, а у другого — две девятки и два туза. Вот они чуть друг друга не перегрызли, у кого старше.

Но я бы, конечно, с Трофимовым из-за десяти баксов сильно спорить не стал. У него родственник знаете кто?

Турецкий. Догадываюсь.

Раструба. Ну да, вам ли не знать.

Турецкий. Так чем все закончилось?

Раструба. Да ничем. Я их еле-еле уговорил разделить поровну деньги, которые я проиграл. Надулись друг на друга и не разговаривали до утра, пока Катя Леонида Георгиевича не нашла. С дыркой в голове. Тут уж не до обид стало.

Турецкий. Вы уверены, что на этом все закончилось? И что между ними не было размолвок прежде?

Раструба. Слушайте, ну они же не красны девицы, в конце концов! Могли и поспорить и послать друг друга, но все профессионалы и знают, что дело — прежде всего. И потом, разве проработали бы они вместе полтора года, если б что-то было не так?!

Начальник МУРа Грязнов.

Москва. 24 августа, 18.50

— Ты мне не вопросы задавай, а скажи, что сам про эту песню думаешь? — Грязнов обращался к единственному человеку в его кабинете — Володе Софрину.

— А что тут думать? — сам себя риторически спросил Софрин. — Если информация Призера — это не липа, вполне возможно, что любителя азартных игр Гукка уже опустили с камнем на шею в воду. Поди его теперь ищи.

— А если липа? — начальник МУРа хитро сощурился на подчиненного.

— Ну, тогда... он нам ее зачем-то подсунул, — сообразил Софрин. И несколько испугался.

— Вот именно! — Грязнов поднял вверх указательный палец. — Надеюсь, ты и сам сообразил, что за фрукт этот принц Карамышев.

— Да уж. Мягко стелет, да жестко спать, — сказал Софрин и, хотя совершенно не хотел пить, налил из графина стакан воды и выпил в два глотка. Неприятное ощущение, будто побывал в норе у гремучей змеи, еще не прошло. — И эти подручные его, те еще субчики.

— Какие подручные?

— Шум и Али. Странные клички.

— Это не клички. У вас, гражданин оперуполномочен-

ный, слабая тактико-специальная подготовка. А московский криминальный мир нужно знать наизусть!

— Как же это не клички, — обиделся Софрин, — когда я слышал, что они так друг друга называли?!

— Это часть кличек. Шум — значит Шумахер. А Шумахер — Артем Падловский, личный шофер Призера, водила «без тормозов». А Али — это Али-Баба, или — Альберт Ушкин, просто амбал, то бишь телохранитель шефа. Усек? Но это все детали. Теперь о главном. — В любом случае, — подвел итог Грязнов, — сбрасывать со счетов ничего нельзя. А это значит, что у нас появилась еще одна версия, а с ней и больше работы. Надо отрабатывать все варианты: и с бегством, и с убийством старика.

Софрин заерзал на стуле.

— Так мне...

Грязнов его перебил:

— Что тебе дальше...

А его перебил телефон. Звонок был явно междугородный.

Виктор Гукк. Протокол допроса свидетеля гр-на Гукка В. Крым, Гурзуф. 24 августа, 16.30 — 17.15

Турецкий. Где вы были в ночь на 19 августа?

В. Гукк. В гостинице «Ялта».

Турецкий. И вы сможете это доказать?

В. Гукк. Полагаю, что да.

Турецкий. Тогда сосредоточьте свои усилия на временном интервале от трех часов до половины пятого. Кто может подтвердить ваше присутствие там?

В. Гукк. Я же снял номер. Значит, администратор.

Турецкий. Во сколько вы сняли номер?

В. Гукк. Пожалуй, в половине двенадцатого.

Турецкий. В таком случае это ничего вам не дает — вы могли снять номер, а потом легко вернуться в Гурзуф, войти в комнату Богачева, когда он спал, и застрелить его.

В. Гукк. Что?!

Турецкий. Это только предположение. Против которого вы не можете возразить.

В. Гукк. Дайте подумать. Думаю, где-то в половине четвертого я заказал шампанское в номер. А принесли его минут через двадцать. Я сам забрал поднос у официантки. Такое алиби вас устроит?

Турецкий. Если она его подтвердит. Вы были в номере один?

В. Гукк. На этот вопрос я не стану отвечать.

Турецкий. То есть не один?

В. Гукк. ...

Турецкий. Вот и ответили. Но если так, то это ваше лучшее алиби. Пусть ваша спутница подтвердит, что вы были в гостинице интересующие меня полтора часа, и я от вас отстану.

В. Гукк. Думаю, вы и так отстанете, когда официантка подтвердит мои слова.

Турецкий. Как ее зовут?

В. Гукк. Виктория, кажется. Легко найти. Крашеная брюнетка, волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор.

Турецкий. Ладно. А как зовут даму, которая была с вами в номере?

В. Гукк. ...

Турецкий. Или, может, это был молодой человек?

В. Гукк. Не хамите. Человек, который был со мной в номере, не имеет ни малейшего отношения к данной истории. Так что не хамите, пожалуйста.

Турецкий. Это моя работа. Так я добиваюсь правды, когда мне отказываются предоставить другими путями. Значит, все-таки не скажете?

В. Гукк. Увы.

Турецкий. Крым, Ялта. 24 августа, 22.00

Итак, подвел для себя неутешительный итог Турецкий, снова оказавшись в своем номере, складываются какие угодно комбинации.

1. Каждый из двух охранников, вышедших из дома, вполне мог застрелить хозяина, поскольку оба выходили в искомый промежуток времени.

2. Кроме того, их шеф Трофимов вполне мог вступить в сговор с кем-то из них, а то и с обоими сразу, с целью отправить своего работодателя на тот свет.

3. Кроме того, оставшиеся четыре охранника (Фискалов, Мальцев, Крамаренко и Томский), которые якобы спали, то есть находились в доме, тоже вполне могли совершить убийство.

4. Жена, то есть теперь уже вдова, тоже могла застрелить Богачева.

5. Единственный человек, который, похоже, не мог этого сделать, — Виктор Гукк, его алиби подтверждается служащими гостиницы «Ялта». В частности, официанткой Викторией. Турецкий ее вспомнил (она обслуживала его и Богачеву возле бассейна), так что разыскать барышню не составило труда.

6. На подоконнике комнаты убитого были обнаружены

сырое полотенце и плавки. По свидетельству жены и домашних, Богачев был большим любителем ночных купаний. Правда, охрана не видела, чтобы их хозяин ночью выходил из дому, но, учитывая, что они были не на шутку увлечены покером, немудрено, что пропустили ночной вояж Богачева к морю. Значит, возможен еще вариант, при котором Богачев вернулся в дом не один, а со своим будущим убийцей. И открыл ему сейф?!

7. И наконец, все эти шесть пунктов ни черта не стоят без мотива убийства. Поскольку если взять за него ограбление (т. е. желание завладеть этим бесценным колье), то остается неясным, каким образом преступник открыл сейф, если кодовая комбинация всегда была известна только одному человеку — Л. Г. Богачеву. Подсмотреть же код можно было, только стоя у Богачева за спиной. Сейф расположен в таком месте, что ни из окна, ни из входной двери угол зрения не позволял увидеть. Хотя... при современных средствах наблюдения, да еще учитывая, что в доме было семь квалифицированных секьюрити...

Постскриптум. Самый главный идиотизм ситуации заключается в том, что нет ни одной фотографии украденных подвесок, так что невозможно посоветоваться со специалистами: что это было такое, насколько действительно ценно и кому могло понадобиться, то бишь возможен ли заказчик.

Выводы.

1. Если остановиться на версии «убийство из корыстных

побуждений», то прежде всего необходимо: разобраться в биографиях охранников, сделав упор на тех, кто в своей карьере близко имел дело с кодовыми замками или занимался «спецподглядыванием».

2. Надо найти наконец этого Гукка-старшего. Что там Славка копается, в самом деле?!

В половине двенадцатого стажер Аркаша привез из ялтинской прокуратуры акт баллистической экспертизы. Турецкий, который все еще так и не спустился к морю, проводил время в баре на открытом воздухе и изучал созвездия в крымском небе. Воздух на контрасте с московским пьянил не хуже спиртного, так что охлаждался он исключительно минеральной водой «Вителл». Без газа.

Краткое и внятное заключение гласило, что «выстрел произведен из оружия 45-го калибра, то есть 11,43 мм. А конкретно из классического американского «кольта» знаменитого вечного образца 1911 года. Но при этом пуля была, вероятнее всего, выпущена из оружия с глушителем».

11,43 миллиметра — это неслабо, очень неслабо. Можно уложить и крупный рогатый скот, не то что фармацевтического короля. У оружия такого калибра должна быть дульная энергия, которая просто отшвыривает жертву. Впрочем, ей, жертве, уже должно быть все равно, после того как она нащупает у себя во лбу дырку диаметром 11,43.

Турецкий немедленно вспомнил старую хохму: «Господь

Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными».

Ну скажите на милость, откуда в этой крымской глуши мог взяться американский пистолет начала века? Но с глушителем?!

Интересный получается компот. Богачева убили из оружия с глушителем, но при этом еще и стреляли через подушку. На кой ляд?!

— Ладно, — крикнул он. — Разберемся. Давай теперь езжай в Гурзуф, изымешь оружие согласно моему постановлению. Узнаем, у кого какой пистолет. И калибр.

— Я? — обрадовался Аркаша. — В пять секунд обернусь!

— В пять — не надо. Еще проследи, чтобы эту пулю запаковали и отправили в Москву вместе с моим постановлением о назначении повторной экспертизы.

— А куда?

— В Экспертно-криминалистический центр МВД Российской Федерации. Улица Расплетина, 22, запомнишь? — Перепроверим качество украинской работы, решил он. Чем черт не шутит. Или, может, пистолет этот где-то светился. — Да, и если у кого-то вдруг действительно окажется «кольт», тогда, тогда...

— Тогда что? — нетерпеливо подпрыгнул Аркаша.

— Тогда он полный идиот. Немедленно звони мне, а я решу, что делать.

— А куда звонить-то? — спросил Аркаша. — В номер?

— Нет, — задумался Турецкий. — В номере меня не бу-

дет. Звони мне на пейджер.

— На какой?

— На свой. — С этими словами Турецкий забрал пейджер себе.

...Турецкий не зря забрал пейджер. Он собрался было предпринять вояж по побережью с вполне конкретной целью. Но прислушался к изношенному организму и решил дать ему передышку.

Телефонный звонок Меркулова в начале первого застал его в американской позе, ноги на столе, в руке — стакан пива, в трех метрах — включенный телевизор, где шла «Война в семействе Роуз», дублированная на украинском языке. Ничего смешнее в своей жизни, чем Майкл Дуглас, Кэтлин Тернер и Дэни Де Вито, общающиеся на мове, Турецкий еще не встречал.

Заместитель Генерального прокурора поинтересовался, как дела. На этот праздный вопрос Турецкий отвечать не стал, зато сам поинтересовался, как прошли мирные переговоры с его собственной женой, Ириной Генриховной.

— Ты знаешь, Саша, — сконфуженно отвечал Меркулов, — Ирина не захотела со мной говорить. Кажется, тебе стоит самому с ней пообщаться.

— Что за свинство, Костя! — возмутился Турецкий. — Ты же обещал?! Я тут загигаюсь, можно сказать, под южным солнцем, работаю в поте лица, даже искупаться некогда, а он

не может какую-то бабу уговорить, чтобы она мне нервы не портила!

Меркулов пристыженно молчал.

— И вообще, — вошел во вкус Турецкий. — Мне тут плохо одному, одиноко, не с кем душу отвести, посоветоваться.

— Выпить, что ли? — сообразил Меркулов. — Ну это ты брось. Тебя туда не на дегустацию крымских вин послали. Не надейся, Грязнова тебе в Крыму не видать как своих ушей. Он не мальчишка, чтобы мотаться за тыщу километров поправлять твое здоровье!

— А я, значит, мальчишка?!

— Будет что-то конкретное по Богачеву — докладывай немедленно! — Меркулов бросил трубку. Такое с выдержанным и деликатным Константином Дмитриевичем случалось не часто.

Турецкий. Крым, Ялта. 25 августа, 8.15

Вместо зарядки подброшенный с постели новой идеей, он позвонил в дом Богачевых. Трубку сняла Катя.

— Это Турецкий. Я бы хотел поговорить с Трофимовым.

— Он уехал, Александр Борисович. Вчера вечером в Симферополь, а оттуда собирался лететь в Москву.

— Как уехал?! А остальные охранники?

— Вместе с ним, естественно. Погрузились в свой джип и отвалили.

— Как отвалили?! У них же подписка о невыезде?!

— Я вам их сторожить не намерена, — отрезала Богачева.

— Это они меня сторожили. Пока я их не уволила.

— Так что, все уехали?

— Все. Кроме Жоры Мальцева. Его я не уволила, — хладнокровно добавила молодая вдова.

— Да, я знаю, — машинально сказал Турецкий. — Скажите, Катя, а вчера вечером к вам приезжал работник ялтинской прокуратуры? Такой молодой и долговязый?

— Приезжал.

— А он застал охранников или они уже уехали в Симферополь?

— Застал, застал. Орал на них как сумасшедший. Я в жизни такого не видела. Они даже как-то присмирели. Даже с

вами, по-моему, они вели себя более развязно.

— Отлично. Еще один вопрос, возможно, вы сможете мне помочь. Вы говорили, что у Леонида Георгиевича часто бывали деловые визитеры. А мне известно, что многое из того, что происходило вокруг вашего дома, снималось на камеры слежения. Как вы полагаете, не могли ли фиксироваться также и эти встречи?

— А что тут полагать, — ни секунды не задумываясь,отреагировала Богачева. — Леня охранников на деловые встречи не пускал, так что они должны были наблюдать извне. Естественно, многое фиксировалось. — Тут она слегка задумалась. — Ну, по крайней мере, то, что он не запрещал.

— И где эти пленки? — как можно небрежней рубанул Турецкий, явственно чувствуя, как заколотило в груди.

— Ну и вопросыки у вас, — удивилась такому невежеству Богачева. — У меня дома, конечно. Вся специальная аппаратура, средства связи и прочая мура покупалась на наши деньги, это же не собственность охранников. Так что они уехали только со своими пушками, можете не волноваться. Я специально попросила Жору Мальцева проконтролировать. Продавать буду всю эту спецмуру. Она мне ни к чему. Мне прятаться не от кого.

— Катя, не зарекайтесь, — попросил Турецкий и добавил, боясь взглянуть удачу: — А что вы скажете, если я к вам сейчас приеду?

— Валяйте.

Турецкий рванулся было вниз, но передумал и снова взялся за телефон. Через четыре минуты он дозвонился в Москву.

— Константин Дмитрич? Дайте Меркулова, срочно. Турецкий говорит. Дело государственной... да. Костя, какого черта эти ублюдочные охранники Богачева убрались отсюда в Москву?! Они же давали подписку на время следствия!

— Это ты у меня спрашиваешь? Они у тебя из-под носа ушли, не у меня. Они что, под подозрением?

— Да.

— Плохо. Но их понять можно. В самом деле, невозможно же заставлять людей торчать из-за следствия на территории другого государства.

— Вообще-то да, — пробурчал Турецкий.

— Ну ладно, я попытаюсь их найти и установить наблюдение. Грязнова попрошу. Доволен?

Москва, Генеральная прокуратура, Меркулову К. Д.

РАПОРТ

Ввиду сложности дела и большого объема работы, то есть невозможности продолжения работы в состоянии фактического отсутствия помощи со стороны Генпрокуратуры, прошу незамедлительно включить в состав следственно-оперативной группы

старшего оперуполномоченного по особо важным делам Главного управления угрозыска МВД майора милиции Солонина В. А. Полученные мной сведения в состоянии обработать и реализовать в сжатые сроки только этот компетентный специалист, прошедший под моим руководством обучение в Антитеррористическом центре «Пятый уровень» Питера Реддвеля.

Турецкий.

16 часов 50 минут. 25 августа.

Часть вторая

Старший оперуполномоченный по особо важным делам угрозыска МВД Виктор Солонин. Крым, Симферополь. 26 августа, 12.50

ТУ-154 благополучно перенес Виктора Солонина из Москвы в Симферополь. После душной столицы крымский воздух показался настоящим раем. И небо и солнце — все выглядело здесь совершенно по-другому.

Уже спускаясь по трапу, Солонин вдыхал полной грудью и сгорал от нетерпения поскорее увидеться с Турецким. Хотя нет, первым делом, отставив все дела, он искупается в море. Турецкий, небось, уже испытал эти прелести жизни. И Солонин мысленно в очередной раз благодарил его за командировку. Ну а если сам Александр Борисович откажется составить компанию, тогда придется пристегивать его к себе наручниками и тащить силой. Долг, как говорят, платежом красен. Вызвал в помощь — уважь гостя. А работа не волк, в море не уплывет.

У автобуса, отправлявшегося в Симферополь, шла жесто-

кая давка. Граждане с сумками, рюкзаками и баулами передвигались друг у друга чуть ли не по головам. Включаться в борьбу за место в салоне Солонину расхотелось, и он повернул голову в сторону стоянки такси. Машин там было предостаточно, включая микроавтобусы-маршрутки, за которые тоже шла не менее упорная битва. Выбора не оставалось: частный или государственный извоз. Солонин присмотрелся: предпочтение здесь отдавали частному. Ясное дело — де-леж территорий. Он не только в Москве, он — везде.

Раскованной, прогулочной походкой Солонин направился к стоянке. Он был налегке. С собой — лишь спортивная сумка с самым необходимым, в том числе с презентом от Грязнова — обязательная по всем поводам и без них бутылка настоящего армянского. По словам последнего, на этот раз — действительно настоящего. Грязнов клялся и божился, что заводу, где смешивают не слишком-то чистый коньячный спирт с ореховой настойкой (как выяснило оперативное расследование), — не жить.

Подразумевалось, конечно, что по приезде Солонина они с Турецким раздавят ее вдвоем и вспомнят при этом боевого московского товарища. И простят.

Во всем остальном майор Солонин ничем не отличался от других приезжих. Любимый «Левайс», голубая футболка и солнцезащитные очки — стандартный набор. Если не присматриваться к дорогим, из натуральной кожи сандалиям и тому, что все остальное куплено не на Черкизовской бара-

холке, а в фирменном магазине.

У самой стоянки его перехватил молоденький щуплый паренек:

— Тебе куда, земляк?

Солонин не стал уточнять, кого тот имеет в виду, коротко бросил:

— В Симферополь.

— А может, куда еще дальше ЮБК?

— ЮБК?

— Южный берег Крыма. Квартиру найдем без проблем, — предложил парень.

Солонин улыбнулся такой услужливости. Оставалось лишь добавить «сэр».

— Да нет, — отмахнулся он. — Ты ж с меня три шкуры сдерешь. Давай в город. А дальше я сам.

— В город так в город, — быстро сдался водила, видимо, рассчитывая уломать клиента в пути.

Солонин прошагал к синей «шестерке» и плюхнулся на соседнее с водителем место, даже не спросив, сколько придется заплатить. Сумку пристроил под ногами.

Позволить себе добраться на частнике до Симферополя он, конечно, вполне мог. Но вот дальше — увольте. Местные на отдыхающих делают деньги, на которые потом живут оставшийся год в ожидании нового сезона. А потому и лупят три-четыре цены. Можно было только представлять, сколько этот извозчик запросил бы до Ялты.

Турецкий. Крым, Ялта. 26 августа, 11.50

— Александр Борисович, у вас найдется полчаса? — спросила Катя Богачева.

— Смотря для чего, — важно ответил Турецкий, хотя, ожидая приезда Солонина, маялся от безделья.

Разговор шел по телефону. Турецкий уже искупался, только что позавтракал, выкурил сигарету и пребывал в прекрасном расположении духа.

— Насколько я понимаю, вы ведь собираетесь встречаться с Лёниными сотрудниками? Поедете в «Махаон»?

— Естественно. Но для этого я должен закончить свои дела в Крыму.

— Необязательно. Двое служащих из «Махаона» приехали сюда забрать какие-то документы.

— Я сейчас буду, — быстро сказал Турецкий. — Никуда их не отпускайте.

И как это уже бывало, он не смог сразу уехать, потому что еще несколько минут говорил с Меркуловым. Только на этот раз Константин Дмитриевич позвонил сам. Тон у него был несколько извиняющийся.

— Саша, ты знаешь, этим ребятам палец в рот не клади. — Меркулов откашлялся. — Половина из них сразу же исчезла. Томский, Кныш и Раструба. Они не прилетели тем рей-

сом, на который зарегистрировались. А остальные, и Трофимов в том числе, про них ничего не знают. Но и это еще не все. Грязнов приставил к оставшимся своих людей, но Трофимов сразу вычислил слежку и позвонил своему дяде. А ты помнишь, кто у него дядя? Так вот, Демидов немедленно вызвал меня и категорически потребовал снять наблюдение. Вот такие дела. Пришлось ограничиться тем, что взяли с охранников новую подписку о невыезде, на этот раз — из Москвы. Кроме того, я лично позвонил Дмитрию Трофимову и попросил его предупреждать нас о малейших изменениях жизненных планов в ближайшее время, что при его работе немудрено. Он мне показался вполне вменяемым. Насколько я знаю, у него сейчас есть предложения работы от нескольких банков, но он пока ничего не решил. Вот и все. Уж извини — чем могу. Да, совсем забыл. Звонила твоя жена, просила предупредить тебя, чтобы не ездил к дочери, поскольку ваша Ниночка — уже в Москве.

— Как это?!

— Смена у нее закончилась, пока ты собирался.

Турецкий швырнул трубку и вышел из номера. Лифта не дождался и, чтобы разрядиться, бегом спустился на первый этаж, перепрыгивая по полпролета. Но бежал он так напрасно. Ни «Нивы», ни Аркаши на стоянке возле «Ялты» не было. Турецкий был вне себя от злости. И ведь не позвонишь ему. Сам ведь у парня пейджер забрал. А забрал в свое время, когда намеревался съездить к дочери в лагерь. Теперь

вот и это не получится...

И тут «Нива» появилась как по мановению волшебной палочки.

— Сан Борисыч! — издалека закричал Аркаша. — Уф, успел. Новое сообщение из Москвы.

— Поехали в Гурзуф, по дороге прочитаю.

Генеральная прокуратура — старшему следователю по особо важным делам Турецкому А. Б.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

На ваш запрос по поводу профессиональной деятельности охранников семьи Богачева Л. Г. сообщаем. Из семи человек (Трофимов, Раструба, Кныш, Томский, Мальцев, Фискалов и Крамаренко) только двое в своей профессиональной деятельности имели непосредственное отношение к работе с кодовыми системами безопасности и средствами спецнаблюдения.

1. Трофимов Дмитрий Валентинович. 1970 года рождения. Не женат. Закончил академию имени Дзержинского. До 1994 года служил в пограничных войсках на границе с Польшей и Прибалтикой. Демобилизовался в звании капитана. Но еще в 1992 году проходил переподготовку при «Альфе». С февраля 1994 года по ноябрь 1997-го работал в различных частных охранных службах в банковской системе («Собинбанк», «Империял», «Внешэкономбанк»). Был

как личным телохранителем, так и работал в технической службе, контролирующей состояние кодов и сигнализаций. Неоднократно выезжал на международные выставки и симпозиумы по вопросам систем безопасности.

Склонен к постоянному повышению своей квалификации. Бывшими коллегами и работодателями характеризуется в высшей степени положительно. Под судом и следствием не был. Богачев — его первый клиент за всю профессиональную карьеру, которого он не уберег. Проживает с женщиной, с которой состоит в гражданском браке, в трехкомнатной квартире на Новослободской.

2. Томский Александр Викентьевич. 1965 года рождения. Разведен. Кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе. Закончил 1-й Московский медицинский институт. Врач-офтальмолог. С 1990 по 1992 год работал в НИИ микрохирургии глаза. С 1992-го по 1993-й — в закрытом КБ при НИИ микрохирургии глаза. С 1993-го по 1994 год работал в лаборатории ФСК. Защитил диссертацию на тему «Возможности и методы бытового наблюдения на расстояниях, доступных невооруженному глазу». В 1995 году был консультантом Службы безопасности Президента России. С 1996 года консультирует частные охранные агентства. Под судом и следствием не находился. Живет один в двухкомнатной квартире на Кутузовском проспекте.

Турецкий вытер разом вспотевший лоб. Ну и ну. Вот это

субчики. Оба — хоть куда. Но если хоть про Трофимова как будто известно, где он и чем занимается, то второй, этот Томский, — вообще сгинул. Такой жук может с помощью спичечного коробка соорудить видеокамеру и в замочную скважину увидеть больше, чем я — в раскрытой книге. Да еще — кандидат в мастера по стрельбе. И где ж его теперь искать?! За квартирой, конечно, уже установлено наблюдение, да что толку. Если он провел нас, не прилетев в Москву, то его теперь ищи как ветра в поле... Но в любом случае надо попытаться собрать информацию на Трофимова с Томским именно в период их работы на Богачева. Куда они выезжали, с кем встречались и главное — каковы были их отношения между собой. А то чем черт не шутит. Может, они действовали вдвоем, и сейчас Томский просто пытается реализовать награбленные драгоценности.

— Ну ты смотри что делает, а?! — возмутился Аркаша, и Турецкий очнулся от своих грустных мыслей.

— Что такое? — встрепнулся он.

Их машина сейчас находилась на довольно узком участке трассы, и тем не менее их пытался подрезать юркий «опель» цвета «брызги шампанского» с тонированными стеклами.

— По роже надо за такое давать, — хмуро, но равнодушно высказался Турецкий.

— А, черт! — завопил Аркаша. — Я его знаю! Я вспомнил эту тачку! Это из страхового агентства, они на ней к Макарову в прокуратуру приезжали. Опять что-то вынюхивают,

сволочи.

— Ты уверен? — забеспокоился Турецкий.

— А то!

«Опель» маячил уже в двадцати метрах перед ними. До поворота на Гурзуф оставалось меньше километра, и вероятность, что «брызги шампанского» тоже свернут туда, возростала. Турецкий, который последнее время был абсолютно уверен в том, что провидение намеренно ставит ему палки в колеса, решил отыгаться на ком-нибудь постороннем.

— Давай его столкнем?

— В обрыв? — испугался Аркаша.

— Зачем? Просто ударим сзади. На повороте, кажется, стоит мент?

— Да.

— Ну и отлично. Держись прямо за ним.

Поворот показался через десять секунд.

Аркаша сказал немного дрожащим голосом:

— Я могу его по наклонной обойти.

— Я сказал — бей сзади. И чтоб почувствительней.

Что и было сделано.

Прямо на глазах обомлевшего от такой наглости гаишника «Нива», якобы обходя «опель» слева, основательно въехала в него правым «рогом» своего замысловатого бампера. «Брызги шампанского» отлетели метров на пять и стали. Гаишник, свистя и размахивая всем, чем только можно, ринулся к месту ДТП.

У изрядно помятого «опеля» медленно опустилось левое стекло и оттуда высунулся козырек бейсболки. Больше Турецкий ничего увидеть не успел, потому что гаишник был тут как тут и открыл уже рот, но челюсть его отвисла еще сильнее, когда Турецкий подsunул к его физиономии внушительную корку «Помощника Генпрокурора Украины», а затем и «важняка» российской прокуратуры. Аркаша тоже набрался смелости и ляпнул:

— Вопрос наезда согласован в ялтинской прокуратуре. Звоните туда, — и протянул ему мобильный телефон. — Все происходит в рамках общей операции.

Какой там на хрен операции, подумал Турецкий.

Через пару минут инцидент был исчерпан, «Нива» поехала в Гурзуф, а «опель», по настоянию гаишника, из-за разбитых фар, «поворотников» и общей неприглядности вида — в ближайший автосервис. Водителя Турецкий так и не увидел, если не считать бейсболки.

Старший оперуполномоченный Виктор Солонин. Крым, Симферополь. 26 августа, 13.10

Они вырулили со стоянки, выбрались на шоссе и понеслись в направлении столицы республики Крым.

Так в Симферополь Солонин еще ни разу не попадал. Всегда путешествовал поездом, который приходил на железнодорожный вокзал прямо в город.

Водитель оказался разговорчивым, сразу предложил анекдот.

— Про ментов любишь? — поинтересовался он.

— Очень даже, — не соврал пассажир.

— Значит так, — начал парнишка. — Приехал парень из деревни в Москву и пошел в милицию. Заступил на первое дежурство в городском парке. Стемнело. Идет он по аллее, смотрит, рядом в кустах мужчина лежит. Подошел, посмотрел, не поймет — живой или мертвый. Растерялся, потом включил рацию и докладывает: «Пост парка, у аллеи в кустах обнаружено тело». А его спрашивают: «Пульс щупали?» Он проверил, отвечает: «Пульс есть». Ему: «А как органы?» А он: «Так они с вами и разговаривают».

Паренек рассмеялся. Солонин за компанию тоже.

— А вот еще один, — завелся рассказчик. — Подходит,

значит, прохожий к постовому: «Скажите, а эта улица не сильно опасная?» А тот удивленно: «Была бы опасная, я бы здесь не стоял».

Снова посмеялись. Водитель начал притормаживать. На обочине голосовали двое.

— Возьмем? — он взглянул на Солонина.

Тот пожал плечами, мол, твое дело.

На заднее сиденье втиснулись два крепыша под тридцать, попросили подкинуть до города, и машина опять понеслась вперед.

Понесло и ее водителя. Он начал травить новый анекдот, на этот раз уже откровенно тупой.

— Подходит в темном переулке к спешащему прохожему мужик и спрашивает: «Послушай, приятель, ты тут поблизости наряд милиции не встречал?» — «Нет». «Тогда давай кошелек».

Сзади заржали как сивые мерины. И сразу же потная рука толкнула Солонина в шею.

— Ты что, братан, не слышал, о чем тебя шеф попросил?

Машина съехала на обочину и остановилась. Примерно такого поворота событий Солонин и ожидал, как только эти двое сели в машину. Старый, как мир, трюк. А потому и не любого застанет врасплох. Он зрительно сфотографировал этих двух красавцев еще до того, как они очутились в салоне. А сейчас оценивал обстановку, придумывая, как с ними лучше поступить.

Они подсказали сами.

— Оставляй сумку, придурок, и выметайся. Понял? — Тяжелый кулак надавил на скулу.

— Как скажете, — миролюбиво согласился Солонин и, открывая свою дверь, спросил: — А бить не будете?

Паренек-водитель заулыбался во весь рот, демонстрируя коричневые от табака зубы:

— Будешь послушным мальчиком — не тронут. Они ребята...

Договорить он не успел. Тычком большого пальца левой руки Солонин надавил ему пониже уха и ввел в глубокую отключку. Безвольное тело завалилось на бок. Виктор выкатился из машины.

Ошарашенные такой наглостью, попутчики выскочили за ним. У одного в руке оказалась маленькая аккуратная монтировочка. Видать, вынул из кармашка чехла сиденья предусмотрительного водителя.

— Ну, падла, не понял по-русски?! Сейчас попляшешь, — взревел вооруженный монтировкой и, обегая спереди автомобиль, явно намеревался отрезать жертве путь отступления к трассе. Его товарищ со сжатыми кулаками надвигался с фронта.

Солонин бросил взгляд на дорогу. В сторону города пронеслась маршрутка. Две легковушки проскочили мимо в противоположном направлении. Больше проезжающих не наблюдалось.

Руки у него были развязаны.

Расценив взгляды на трассу как ожидание помощи со стороны, парни рассмеялись.

— Не-а, козел вонючий, не жди. Хана тебе здесь пришла. Уроем. — Тот, что наступал спереди, взмахнул правой и попал в воздух.

Солонин легко ушел от удара, крутанулся на месте и с разворота влепил ему локтем в грудь так, что хрустнули кости. Нападавший громко выдохнул, сложился пополам и повалился на землю.

Второй автоматически занес над головой монтировку.

— Да ты, блин, кто? — Вид беспомощного товарища обескуражил его.

— Я — твое несчастье, — объяснила бывшая жертва и одним коротким ударом ноги сломала ему коленную чашечку.

Воздух прорезал нечеловеческий крик.

— Вредно тебе, дорогой, по земле ходить. Хороших людей пугаешь. — Солонин погладил травмированного по голове и, не обращая внимания на вой, мат и угрозы, двинулся к автомобилю.

Водитель был еще в отключке. Он начал приводить его в сознание. Когда тот наконец разлепил глаза и увидел склоненного над ним пассажира, то побелел, как альпийский снег.

— Что это было? — с трудом, полушепотом спросил паренек.

— Не что, а кто, — объяснил Солонин. — На мента ты нарвался. На живого, а не из анекдота. Хочешь на прощание бесплатный совет? — и, не дожидаясь ответа, прошелестел в самое ухо еще больше побелевшему водиле: — Не приставай к незнакомым людям. Нарвешься, говнюк, когда-нибудь. Это я такой добренький попался.

Затем он выкинул незадачливого дорожного рэкетира из кабины, а сам уселся на его место. На немой вопрос сидевшего на земле истуканом парня ответил, уже включив зажигание:

— Тачку забрешь в Ялтинском ГОВД. А пока позаботься о товарищах.

«Шестерка» не спеша выехала на трассу. Солонин обернулся. Три человеческие фигуры оставались все в тех же позах. Он надавил на газ. Можно считать, повезло. Теперь он в два раза быстрее доберется до места к Турецкому. И бесплатно. Что ни делается, все к лучшему.

Турецкий. Крым, Гурзуф. 26 августа, 12.40

Коренастый рыжеволосый парень лет двадцати пяти и маленькая шустрая девочка наперегонки гоняли на велосипедах. В качестве форы парень ездил с завязанными глазами и падал каждые десять метров. Девочка каждый раз при этом визжала от восторга. Судя по всему, это были Юля Богачева и ее персональный телохранитель Жора Мальцев. На веранде первого этажа читал газету Виктор Гукк.

Катя вышла из дома в белых обтягивающих джинсах и красной майке.

— Они купаются, — сказала она.

Турецкий подошел к обрыву и посмотрел вниз.

Лесенка была спущена. По пояс в воде стояли двое мужчин. Очевидно, они разговаривали. Поскольку были совершенно неподвижны и, похоже, море их не слишком интересовало.

— Интересно, а как вы вашу Юлю спускаете вниз? На плечах телохранителя?

— Она купается в бассейне.

— Понятно. Катя, а здесь есть какие-нибудь старые фотографии Леонида Георгиевича, еще с тех времен, когда вы не были женаты? Может, даже детские?

— Дайте подумать... Вообще-то большая часть — в

Москве. Но кажется, что-то можно найти. Пойдемте вместе поищем. Хотите что-нибудь выпить?

Первое, что увидел Турецкий, зайдя в дом, была картина, изображавшая винтовку в вертикальном положении, стоящую в луже крови. Кровь, судя по всему, из нее и вытекла. Внизу была маленькая надпись: «Вернувшийся с войны». Небольшая картина была насыщена экспрессией и на первый взгляд производила сильное впечатление.

— Два дня назад этой картины здесь не было, — вскользь заметил Турецкий, поднимаясь вслед за Катей на второй этаж.

— Да, — согласилась она. — Я попыталась, что называется, «передвинуть мебель». Хочу что-нибудь здесь изменить. И потом, это Жорина картина. А он нам — не посторонний.

В просторной комнате был только черный беккеровский рояль и стенной шкаф, заполненный какими-то папками, возможно нотами.

— Здесь Юлька занимается музыкой, — объяснила Богачева.

— Простите. «Жорина картина»? Вы имеете в виду Мальцева? — удивился Турецкий.

— Ну да, а что такого? Он был неплохим художником. А эта картина просто блеск. Я ее купила за шесть тысяч долларов... Вот, смотрите ваши фотографии.

Шесть косых! Ай да Мальцев, ай да сукин сын. Тут есть над чем подумать. Почему она так раскошелилась? Возмож-

но, «Вернувшийся с войны» того и стоил, но однако же при живом Богачеве мальцевская картина в доме не висела. И его единственного из всей команды секьюрити не уволили. Есть какая-то скрытая связь между Катей и Жорой?

Пять минут спустя Турецкий, сидя в беседке, разбирал ворох снимков, цветных и черно-белых, сделанных в самых разные годы. Самым интересным в Богачеве бесспорно были глаза. Они сохраняли чуть насмешливое выражение в самых разных ситуациях. От детского сада до защиты дипломной работы... Вот Леня сидит за роялем... А вот он с подбитым глазом... А вот, совсем юный, с незнакомой девушкой. Групповые снимки: с родителями, с коллегами по какому-то — судя по интерьерам и по одежде пятнадцатилетней давности — советскому учреждению... Вот снимок, сделанный на каком-то складе оргтехники: десятки, если не сотни ящиков с компьютерами и комплектующими... Но глаза изменились. словно в них вставили цветные контактные линзы. Хотя чушь, конечно, на старом черно-белом снимке это не определишь. Да и какие тогда линзы. Но нет, что-то все же изменилось в лице. словно оно вытянулось? Или просто морщины резче обозначились возле крыльев носа и на лбу? А ведь, судя по датам, разница между двумя последними фотографиями невелика. Да мало ли что может с человеком произойти. Да еще в нашей-то замечательной стране, где он, к слову сказать, так вольно дышит...

Наконец, через двадцать пять минут мужчинам, стоящим

в море, кажется, надоело это занятие, и они поднялись наверх, на террасу. Мельком поздоровались и прошли в дом. Очевидно, приняли душ и переоделись. Вышли оттуда еще через пять минут в сопровождении Кати. У каждого в руках было по стакану. Один из них был поплотнее и постарше, примерно ровесник Турецкого, второй — соответственно постройней и моложе лет на десять. Но главное различие оказалось в шевелюрах. Молодой был значительно светлее и с большими залысинами. Ровесник Турецкого обладал копной темных волос, в которых значительно преобладала седина. У него было довольно живое лицо и взгляд, направленный точно на собеседника. Молодой был слегка отмороженный и во время беседы смотрел исключительно в землю.

Катя представила их в таком порядке:

— Лапин Петр Евдокимович, вице-президент концерна «Махаон». Римас Будвитис, пресс-секретарь. Сыщик Турецкий. Обещает воскресить моего мужа. Извините за черный юмор. Я вас оставляю.

Некоторое время после этого все молчали. Турецкому спешить было некуда, и он откровенно забавлялся, наблюдая, как его невольные собеседники постепенно начинают испытывать неловкость. Первым не выдержал вице-президент.

— Кажется, я видел вас как-то по телевизору, — сказал Лапин. — Это была какая-то пресс-конференция, если не ошибаюсь, по делу о коррупции среди спортивных функци-

онеров.

— Сомневаюсь, — пробормотал Турецкий.

— Вы не занимались этим делом?

— Занимался. Но никакой пресс-конференции не помню.

— Хм... Странно. А по-моему, все-таки была. Ну да Бог с ней.

От Турецкого не укрылось, что после этого диалога во взгляде Будвитиса стала проскальзывать враждебность. Ну конечно, сообразил Турецкий, профессиональная ревность. Он же — пресс-секретарь, не привык, чтобы другие были в центре внимания. Но Лапин-то каков...

— Господа, — сказал Турецкий, — у меня пока нет к вам каких-то конкретных вопросов, они, несомненно, появятся позднее, когда у меня будет возможность и время, чтобы ознакомиться с профессиональной деятельностью и бизнесом Леонида Богачева. Просто я решил воспользоваться случаем и познакомиться с вами. Но если у вас есть какие-то соображения по поводу случившегося, подозрения или идеи относительно мотива убийства, я готов выслушать все это немедленно. А тем более какие-то сведения о последних днях или неделях жизни вашего шефа.

Будвитис откашлялся и официальным тоном заявил:

— Всему достигнутому в жизни Леонид Георгиевич Богачев был обязан в первую очередь самому себе. Положение в обществе, деньги не свалились на него с неба подарком судьбы, а были закономерным итогом многолетних трудов, упор-

ного, энергичного характера. И не удивительно, что корни его успехов находились еще в далеком детстве...

— Это что, заявление для печати? — не выдержал Турецкий. — Римас, ради бога, здесь нет никаких камер и никаких журналистов. Вы умеете разговаривать нормальным языком?

Будвитис растерянно оглянулся на Лапина, и тот тихонько кивнул ему. Тогда Будвитис зло сплюнул и сказал:

— Да чего там говорить? Классный был мужик Леонид Георгиевич, и все дела.

— Слушайте, давайте начистоту, — начал злиться Турецкий. — Вы зачем приехали? Вы прекрасно знаете, что документы, связанные с вашим концерном, временно арестованы, то есть изъяты и отправлены в Москву, в ГУБОП. Там их хорошенько изучат на предмет поиска возможных недоброжелателей. Больше в этом доме для вас ничего интересного нет. Я его весь на карачках излазил и могу это авторитетно заявить.

— Ну ладно, — сдался Лапин. — Мы ведь похоронили его только два дня назад и...

— Послушайте, — перебил Турецкий; он только сейчас сообразил, что во всей этой истории ему здорово не хватало трупа: ведь он прилетел в Крым через три дня после убийства, и преступление за это время уже стало несколько абстрактным. — Послушайте, а где его похоронили?

— Как это где? — удивился Будвитис. — На Ваганьков-

ском кладбище, разумеется.

— Н-да, — посочувствовал Турецкий, — как-то это не очень, конечно, вышло...

— Почему «не очень»? — снова переглянулись Лапин с Будвитисом. — Вроде бы все по высшему разряду.

— Ну... похороны без вдовы.

— Да что это вы такое несете?! — возмутился Лапин. — Катя была на похоронах.

— Как... Когда?

— Утром 22-го мы похоронили Леонида Георгиевича, и она сразу уехала в аэропорт.

— Ну и ну, — покрутил носом Турецкий. — Вот это скорости. А когда же она приехала в Москву?!

— 21 августа тело позволили забрать, а я к этому времени был уже здесь, — сказал Лапин. — И мы перевезли Леонида в Москву.

— С вами был кто-нибудь из телохранителей?

— Нет, Катя запретила им ездить. Кажется, она недолюбливала всю эту компанию, — предположил Лапин.

— Почему вы так думаете?

— Никаких конкретных сведений у меня на этот счет не имеется... — начал было Лапин.

В этот момент Будвитис засунул руку в карман и там чем-то щелкнул.

— Что это вы делаете? — спросил Турецкий.

— Записываю наш разговор.

— Зачем?!

— Не знаю. На всякий случай. А вдруг вы потом обвините нас в чем-то, чего мы не говорили? — с энтузиазмом предположил Будвитис.

— Не злите меня лучше, — предупредил Турецкий. — И держите свой карман от меня подальше. — Так зачем вы приехали?

— К сожалению... только не принимайте это непосредственно на свой счет, так вот, к сожалению, у нас есть серьезные сомнения относительно эффективности государственного расследования. И мы хотим предпринять собственное. У нас в «Махаоне» приличная служба безопасности, которая в состоянии...

— У Богачева тоже здесь была приличная команда, — зло сказал Турецкий. Еще одно расследование. Плюс к страховой компании! — Не очень-то они ему помогли. Делайте, что хотите, но пусть ваши детективы ко мне под ноги не лезут. Однако я не понял, почему вы сами-то приехали?

— Мы приехали, — честно сказал Лапин, — чтобы уговорить Катю отдать кассеты со съемкой всех гостей за последнее время. Это может здорово помочь нашему расследованию.

— Ясно. Забудьте об этом. Вы их не получите. Что еще? Лапин с Будвитисом растерянно посмотрели друг на друга.

— А где же ваши детективы, как они собираются рассле-

дование проводить, из Москвы, что ли?

— Ну... — со вздохом признался Будвитис, — они отказались ехать, когда узнали, что здесь расследование проводите именно вы.

Турецкий криво усмехнулся и ничего на это не сказал. Если про него в частных агентствах идет такая дурная слава следователя, с которым лучше не встречаться, — тем хуже для них. А ему плевать. Вот с этого утеса. И теперь понятна осведомленность Лапина о деле спортивных коррупционеров — перед тем как выехать сюда он наводил о нем (о Турецком) справки. Только с пресс-конференцией прокололся. Ладно, будем посмотреть.

Генеральная прокуратура — старшему следователю по особо важным делам Турецкому А. Б.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

На ваше отдельное требование с целью выявления установочных данных на гражданскую жену Трофимова Д. В. сообщаем.

Воскресенская Зоя Федоровна. 1975 года рождения. Студентка Московской медицинской академии им. Сеченова.

Сведения о каком-либо отношении ее к кодовым системам безопасности и средствам спецнаблюдения отсутствуют.

Воскресенская — племянница Томского А. В.

Наружное наблюдение за Воскресенской проводится начиная с 26 августа службой наружного наблюдения.

Виктор Солонин. Крым, Ялта. 26 августа, 17.05

— Ну, так что за кино ты мне хочешь показать? — спросил Солонин, когда они вошли в апартаменты Турецкого.

— Презанятный детективчик с многими неизвестными, — ответил хозяин номера с самым загадочным видом, на какой только был способен.

Солонин добился все же своего, когда завалился к Турецкому. Пренебрегая положенным после дороги отдыхом и отговорками коллеги, утащил-таки его на пляж, где они и провели остаток дня. Он сообщил Турецкому, что морская вода влила в него новые силы, очистила тело и дух, и теперь он с удвоенной энергией, бодрый и помолодевший, готов приступить к расследованию.

Сразу после городского пляжа приступить не удалось. По пути в гостиницу приятели приговорили по шашлычку, к которому приложилась бутылка марочной «Массандры». Сопротивление Турецкого на этот счет (от шашлычка-то он не отказался) было сломлено веским аргументом, что шашлык без красного вина — это не шашлык, а перевод продуктов. И вообще, как он встречает дорогого гостя? Которого, между прочим, сам из Москвы и выписал. А посему должен ублажать, развлекать и ни в чем не отказывать. Хотя бы в первый день. А потом уж пусть эксплуатирует на всю катушку.

Культурная программа на этом не закончилась. Уже у входа в гостиницу заглянули в летнее кафе откусывать местного разливного пива. Под него просто необходимо было взять и местных креветочек. Пиво не понравилось, поэтому повторять не стали и твердо решили приступить к работе.

Турецкий, правда, отлучился на пару минут по какой-то надобности, вернулся с бумажным свертком в руке и, таинственно подмигнув Солонину, зашагал впереди.

— Давай, Сан Борисыч, крути свое кино, — Солонин вытянулся в кресле напротив телевизора.

Спрятав предварительно сверток в холодильник, Турецкий вставил в видеомэгнитофон кассету.

— Хроника делового съезда у Богачева, запечатленная для истории и потомков его службой безопасности, — начал Турецкий маленький экскурс к фильму. — Хочу заметить, и не без пользы для нас, то есть для следствия.

На экране солидные кавказцы за руку здоровались с хозяином дома, хвалили его шикарные, по их мнению, крымские владения, улыбались, переговаривались между собой. Появилась и супруга хозяина, Катя Богачева, собственной персоной. В декольтированном длинном платье, с богатым ожерельем на шее и увесистыми серьгами в ушах. Все куда-то дружно направились.

— Сейчас начнут, — констатировал Турецкий. — Я эту ленту в десятый раз смотрю.

— Тогда и мы продолжим. — Солонин жестом фокусника

достал из своей сумки бутылку коньяка «Юбилейный».

— От Славки! — догадался Турецкий, не зная, радоваться или нет, и с сомнением посмотрел на холодильник.

— От него. На добрый почин. — Солонин вскрыл пробку. Турецкий с не меньшим волшебством водрузил на стол уже порезанный лимон, персики, виноград.

— Шикарно живешь, — заметил коллега и на всякий случай присовокупил к южным яствам плитку шоколада. — «Рот фронт».

— И но пасаран. Набираюсь витаминов. Пока есть возможность. — Турецкий разлил по граненым стаканам золотисто-коричневую жидкость. — За почин, что ли?

— За него.

Приятель вдумчиво выпили, прислушиваясь к коньяку.

В дверь постучали, и появился Аркаша.

— Аркан, очень кстати, что это ты. У меня есть для тебя задание, — хмуро сказал ему Турецкий, не желая, чтобы кто-то наблюдал их импровизированное застолье.

— Опасное? — загорелся водитель-стажер. — Рисковое?

— Ужасно. Сходи в библиотеку, возьми там Мифологический словарь и выпиши мне справку по слову «Махаон». Что это значит, черт побери?

— Кажется, есть такой эротический журнал, — припомнил Аркаша и исчез.

На экране тем временем какой-то лихой сын гор закончил длинный тост и осушил бокал вина. К нему присоединились

остальные.

— Опаздывают за нами-то, — сказал Солонин, пережевывая дольку лимона.

Налили по второй. Выпили. Телевизор демонстрировал жареных куропаток и сомов, шашлыки и маринованные грибочки, обилие всякой зелени и разнообразных закусок.

Турецкий с сожалением посмотрел на собственный скромный стол.

— Саша, не принимай близко к сердцу, — успокоил товарища Солонин. — Лучше объясни мне это кино. Ты же не ради того меня сюда вызвал, чтобы показать, как они чревоугодничали.

— Сейчас. — Турецкий плеснул в стаканы еще коньяку. Собрался с духом и, не дожидаясь Солонина, выпил до дна. — Все присутствующие на приеме гости — чеченцы. Это утверждает Богачева и подтверждает охрана. Сечешь?

— Допустим, ну и что? — Коллега еще не сек.

— Выпей! — указал Турецкий на не тронутую Солониным порцию коньяка. Тот повиновался, и только после этого «важняк» Генпрокуратуры начал ему разъяснять: — Мы не знаем, по какому поводу они собирались, что обсуждали — это раз. Какие интересы могут быть у Богачева в Чечне и, наоборот, у чеченцев к Богачеву. Это два. Насколько они дружелюбно или враждебно настроены друг к другу. Это три. То, что они развлекаются и едят вместе, еще ни о чем не говорит. Сегодня в твою честь тост говорит, а завтра —

нож в спину. Доходит?

Солонин кивнул.

— Ты допускаешь, что Богачева могли убрать чеченцы, возможно, кто-то из гостей с этой записи, если они не пришли к согласию.

— Во всяком случае, не сбрасываю эту версию со счетов. Поскольку с другими пока — не очень. Кто-либо из них вполне мог стать если не прямым исполнителем, то организатором.

— Зная этот упорный народец, очень даже с тобой согласен.

Между тем застолье на экране вошло в полную силу. Гости непринужденно болтали. Степенный, с обильной седой бородач что-то шептал на ушко Кате Богачевой. Та кокетливо пожимала плечами и заразительно хихикала. Звук практически отсутствовал, долетали отдельные обрывки фраз и общий шум.

— Ты обратил внимание, — спросил Солонин, — что она все время в таком ракурсе, что разглядеть эти чертовы подвески как следует совершенно невозможно?

— Ты мне еще будешь об этом рассказывать, — обиделся Турецкий. — Я уже задолбался делать стоп-кадр получше. Но это теперь не моя проблема. Так что пленочку я уже в Москву отправил...

Солонин непонимающе уставился на него. Потом снова перевел взгляд на экран и поморгал глазами.

— Мы сейчас с тобой копию смотрим.

— Оперативно, — одобрительно прищелкнул языком Солонин.

— Обижаешь. Ну так вот. Пусть теперь в столице эксперты ракурс получше находят и крутым ювелирам показывают. А мне только ждать остается.

Турецкий поднял бутылку и обнаружил, что ее содержимое катастрофически быстро сократилось до ничтожных количеств. Это его не остановило, и он безжалостно вылил остатки коньяка в опустевшие емкости.

— Тост! — провозгласил он не совсем уверенным голосом и поднял свой стакан. — За рабочую версию «Орлы», которой будешь заниматься ты.

На экране Богачев проходил в дом с двумя из гостей, в том числе и с бородачом, развлекавшим Катю.

Турецкий последовал его примеру. Нетвердой походкой подошел к холодильнику, достал загадочный пакет и победно его развернул.

В руках у него появилась бутылка с красно-коричневой этикеткой «Tequila Anejo Jalisco» и интригующей жидкостью бледно-соломенного цвета внутри.

— С текилой меня познакомил Слава, — предался воспоминаниям Турецкий. — Ее делают из какой-то там агавы, которая произрастает в мексиканских пустынях. Из кактуса, короче. Лучшие сорта производят в штате Джа... лиско? Судя по надписи на этикетке «анежо», эта трехлетней выдерж-

ки, а больше и не бывает. Вот ты, Витька, попробуй и сам оценишь.

Они продегустировали текилу три раза и пришли к обоюдному согласию, что мексиканские кактусы вполне годятся для употребления внутрь, а не только для цветочных горшков. Турецкого опять понесло по волнам памяти:

— Мы с Грязновым этой текилой запивали коньяк. Думал — помру. Оказалось — выжил. Сейчас тот же сценарий.

— За исключением разминки портвейном и пивом, — напомнил Солонин, которого после всех событий этого дня закономерно потянуло в сон.

— Ах, да, — смутно что-то припомнил Турецкий, автоматически отключая видеомagneтофон с давно остановившейся кассетой и впадая в состояние прострации. — Вечером посмотрю.

Солонин не отозвался. Его несколько раз перевернуло в пространстве и накрыло черным одеялом.

Вечер затянулся до утра. Очнулись в тех же позах, в каких вчера потеряли друг друга из виду. С час приходили в себя с помощью холодного душа, минеральной воды и остатков лимона.

Затем Солонин приступил к активным действиям. В первую очередь послал запрос в Москву в свою контору на чеченцев, снятых на видео в доме Богачева. Список их чудесным образом оказался у предусмотрительного Турецкого, который полностью взвалил версию «Орлы» на плечи

своего коллеги.

Ответ пришел на следующий день.

Турецкий. Крым, Мисхор. 27 августа, 11.45

Семен Барабанов, больше известный как Барабан, завтракал в баре «Аллигатор». Турецкому не понадобилось много времени, чтобы найти его там. Собственно, в оперативной справке, полученной на этого молодого картежника, и говорилось, что искать его следует в прибрежных злачных заведениях, а в первую очередь в «Аллигаторе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.